

ВЫПУСК
21

Шиф

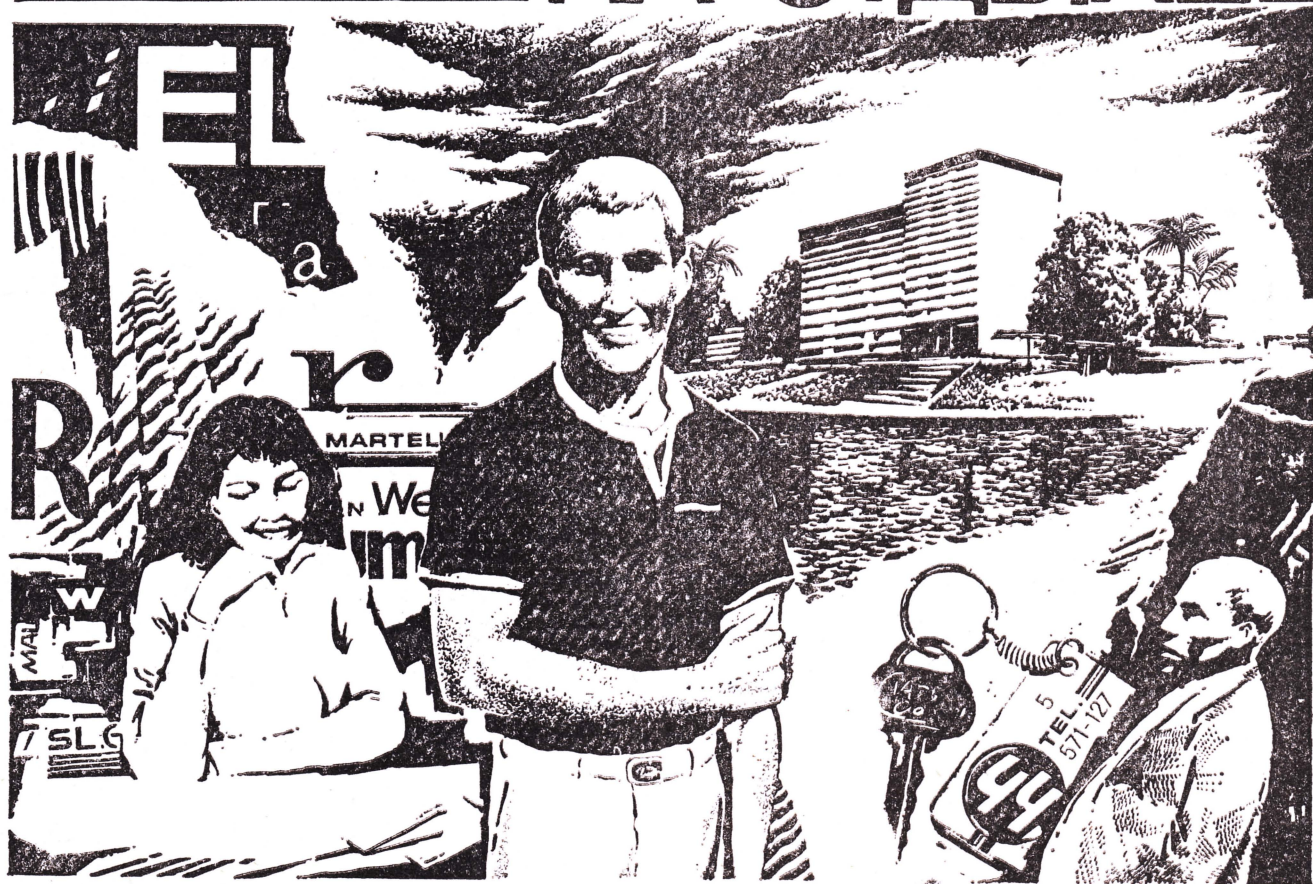
приключения фантастика

ГАНГСТЕР

ДЖИН ГАРРИС

НА ОТДЫХЕ

УЗБЕР прибыл в Уайлд Айленд пакетботом, во вторник после обеда.

Отель, расположенный на острове, находился на округлой вершине холма, у подножия которого был причал. Так как транспорта на острове не было, всем прибывшим пришлось отправиться пешком. Узбер присоединился к небольшой цепочке пассажиров, но ни с кем не заговорил, только молча обозревал окрестности. Ухабистая, немощеная дорога круто поднималась в гору. Морские чайки, протяжно крича, вились у них над головами. На пригорке дорога разделилась: вправо она пошла к отелю, влево — к ряду маленьких домиков. На ближнем, более высоком холме высился маяк — как стрела, устремленная в небо.

Узбер и еще несколько человек повернули направо и пошли к отелю. На его террасе отдыхающие, сидя в шезлонгах, наблюдали за их прибытием.

Холл был темен, и пахло здесь затхлостью, как в помещениях, в которых зимой никто не живет.

Узбер дождался, когда зарегистрируются все, и только тогда подошел к столу администратора.

— Я не заказывал комнаты заранее, — признался он с застенчивой улыбкой. — Если вы меня не сможете поселить, мне придется сейчас же возвращаться пакетботом.

Регистраторша — милая студенточка, которая работала здесь в свои каникулы, сказала, что он может получить комнату с ванной и видом на море.

— Еще не сезон. Только в июле и в августе здесь все переполнено.

Она подала ему регистрационную карточку и авторучку и подняла трубку зазвонившего телефона.

Узбер взял авторучку правой рукой, затем переложил ее в левую и написал: «Джордж Р. Рид, Одиннадцатая Даун-Роуд, Нью-Йорк-сити».

Когда девушка закончила разговор, он сказал извиняющимся тоном:

— Мне надо было взять свою собственную авторучку. Ведь я левша. Боюсь, испортил вам перо.

— Это ничего, — ответила она вежливо. — Ваш номер — 44, на втором этаже.

Имя на карточке едва можно было разобрать, перо было погнуто и сажало кляксы. Девушка обязательно должна вспомнить, что Джордж Р. Рид был левшой, когда поздне о нем пойдет разговор.

Номер 44 был обставлен бедно и безлико, как большинство номеров третьеразрядных отелей в тех местах, куда приезжают проводить отпуск: кровать, потертое кресло, ночной столик и две лампы.

Узбер закрыл дверь и поставил на пол обе свои дорожные сумки. Он подошел к окну и посмотрел на лужайку внизу, на белые деревянные скамейки на ней, площадку для игры в крокет и цветочные клумбы. Еще дальше внизу сверкало море. Рыбачьи катера и скромные прогулочные лодки, которые сдавались внаем, стояли на привязи, легко покачиваясь от ветра и начинающегося прилива.

Он подошел к зеркалу и не без удовольствия посмотрел на себя. Внешность его говорила о незаурядном таланте перевоплощения.

Джордж Р. Рид, которого он изображал в настоящее время, был человеком среднего роста, с черными, поседевшими на висках волосами, с массивными плечами и круглым брюшком. Джордж Р. Рид недавно овдовел и столь сильно скорбел о своей утрате, что не имел никакого желания заводить курортные флирты. Он был левшой, сторонился людей и отличался немногословием. Из-за больного желудка ему приходилось сидеть на диете, по возможности избегая соли и острых приправ.

Узбер был необычайно доволен Джорджем Р. Ридом.

Он удобно расположился в кресле, листал иллюстрированные журналы и дремал почти до пяти часов. Затем вымыл руки, причесался и спустился в столовую. Официантка справилась по своему списку и сообщила ему, что он должен сидеть за столиком с мистером и миссис Филдинг и мисс Лайонз.

Он застенчиво спросил, нельзя ли ему получить столик на одного. Он приехал на Уайлд Айленд для того, чтобы обрести покой, а не для того, чтобы вести с кем-то беседы. Он лишь несколько недель назад — сообщил он с дрожью в голосе, — потерял свою любимую жену, и ему нужно время, чтобы свыкнуться с этой утратой. В том со-

стоянии, в котором он находится сейчас, он едва ли будет приятным собеседником.

Официантка проявила внимание и отвела ему отдельный столик. Он тотчас же спросил, не сильно ли солят и направляют еду, потому что он, собственно, должен придерживаться диеты.

За едой он незаметно оглядывал остальных постояльцев. И скоро нашел того человека, которого собирался убить.

Они были втроем. Три элегантно и неброско одетых мужчины средних лет. Узст был значительно менее нервозен, чем в тот вечер, когда Узбер увидел его в первый и единственный раз. Это было тогда, когда Узбер получил задание убить его, и ему незаметно показали жертву издали в баре. Узст в этот день был оправдан по обвинению в убийстве и праздновал с друзьями оправдательный приговор. Он много пил, пытаясь скрыть свое возбуждение и беспокойство за громкой и кичливой болтовней.

Узбер понаблюдал, как это трио поглощает пищу, а затем пошел к себе в номер и улегся спать. На следующий день он начал выяснять ситуацию. Для начала он обследовал небольшой отель до последнего закоулка, повертелся в баре, проник под каким-то предлогом на кухню, прогулялся вдоль берега, заглянул на почту и в церковь. После обеда он отправился в другом направлении — прошелся по небольшому поселочку, а затем поднялся на самый большой холм, к маяку.

В четверг он попросил завернуть ему с собой бутерброды, как на пикник, и предпринял вылазку на ненаселенную сторону острова, где несколько художников установили свои мольберты в дюнах и рисовали окрестности.

Он видел Узста в столовой во время еды и встречал его несколько раз во время прогулок. Узст никогда не ходил один. Его всегда сопровождали оба телохранителя. Узст был достаточно умен, чтобы догадаться — далеко не все на свете обрадовались факту его оправдания. Он знал, что его враги имели средства и знали способы воздать ему за содеянное, независимо от того, что решил суд.

Узбер наблюдал Узста с чисто профессиональным интересом. Он изучал его привычки, распорядок дня, пристрастия к тем или иным местам на острове. Он выяснил, сколько раз в день тот ест и пьет, и что именно, как часто переодевается, как разговаривает со своими сопровождающими.

Он установил, кроме всего прочего, что Узст и его телохранители всякий раз вечером в одно и то же время сидят на белых скамейках на лужайке и наблюдают прибытие пакетбота. И Узбер решил, что это самый удобный момент, чтобы выполнить задуманное.

В пятницу вечером Узберу по телефону передали телеграмму с материка, как это и было оговорено. Телеграмма гласила: «Ваше присутствие на заседании в понедельник в 11 часов обязательно. Сожалею, что вам придется прервать отпуск. Уолтер».

Симпатичная регистраторша, которая приняла телеграмму по телефону, разумеется, запомнила ее содержание. Она сказала:

— Если вы намерены вернуться, я должна уже сейчас забронировать вам номер. В июле и в августе у нас самый сезон.

Узбер с печальной улыбкой покачал головой.

— Я приехал сюда, чтобы немного расслабиться. И нескольких дней мне было достаточно. Но, вероятно, и хорошо, что мне придется снова приступить к работе. Что толку долго предаваться пустым размышлениям. Профессия моя такова, что поможет забыть о многом.

— А кто вы, собственно, по профессии? — спросила она.

— Я — строитель, — ответил он. — Мы специализируемся на постройках из кирпича.

Она, как и любой человек в отеле, уже знала о тяжелой утрате, которая его постигла.

— Наверное, вы правы, — сказала она с сочувствием. — Работа может дать утешение.

В субботу состав постояльцев сменился сильнее, чем в другие дни. Старые уехали, приехали новые.

РАНИМ утром Узбер еще раз прошелся по всем деталям плана, осуществил подготовительные мероприятия. Он задержался в холле и подгадал момент, когда столик регистраторши остался без присмотра.

Затем поспешил в темный бар, где в это время не было ни души и удостоверился, что дверь в мужской туалет не закрыта. Он вышел из бара через боковую дверь, которая вела прямо на улицу и была предназначена для посетителей из поселка, которым не следовало появляться в холле отеля. Он убедился, что белые скамейки стоят именно там, где всегда — на лужайке, перед плавно поднимающимся склоном. Затем он прошел по склону вниз до каменной лестницы, которая была вырублена для гостей отеля, чтобы они спускались по ней прямо на пляж. Эта часть пути не просматривалась сверху, с холма. Спустившись по лестнице, он повернул направо и прошел вдоль короткого малопривлекательного пляжа и мостков для лодок. Пройдя весь путь, он посмотрел на часы. Результат весьма удовлетворил его.

— Отлично, — сказал он сам себе.

Когда он вернулся к себе в номер, уже пришла горничная, чтобы убрать его для следующего посетителя.

Обе свои дорожные сумки он уложил и закрыл заранее. Теперь он взял их и вынес комнаты в холл.

Он осведомился, не опаздывает ли сегодня пакетбот, и вышел затем на веранду, чтобы бросить прощальный взгляд на окрестности и маленькие рыбацкие лодочки у мостков. Когда он, казалось, наслаждался этим последним взглядом на Уайлд Айленд, явились Уэст и его друзья, которые заняли свои обычные места на лужайке. Уэббер подождал, пока большинство других постояльцев, уезжающих сегодня, расслабятся, и вернулся, затем в холл, чтобы оплатить свой счет. В холле было полно народу, холл был заставлен багажом, отъезжающие шумно прощались со своими курортными знакомыми, обещая писать и снова встретиться здесь на следующий год. Уэббер получил свой счет, прочитал его и полез за бумажником.

В это мгновение из-за неловкого, по всей видимости, движения у него из кармана выскользнул нож, воткнулся в деревянный пол и закачался, подрагивая. Все затихли в испуге. Уэббер стоял как будто в безвоздушном пространстве, разом оказавшись в центре всеобщего внимания.

— О, боже! — проворчал он и нагнулся за ножом. Он выдернул его из пола и быстро засунул во внутренний карман, затем достал носовой платок и торопливо замотал им левую руку.

— О, господи! — повторил он еще раз. Очаровательная регистраторша застыла, в ужасе глядя на него. Он в смущении повернулся к ней.

— Мне страшно неудобно. Простите.

Он обращался к ней, но все кто стояли вокруг и наблюдали за происходящим, тоже навестили уши, стараясь не пропустить ни слова.

— Когда я приехал сюда, я был в отчаянии, я думал, что не смогу больше жить. Я...

Голос его задрожал и смолк. Девушка пришла в себя и попыталась замять неловкую ситуацию.

— Вы порезались, — она показала на его руку, которую он наскоро завязал носовым платком. — Вам надо промыть рану.

— Да, промыть, — кивнул он немного растерянно. И сделал движение в сторону лестницы, как будто собираясь подняться в свой номер, который только что сдал, но вспомнил об этом и застыл в нерешительности.

— В мужском туалете, в баре, — подсказал кто-то.

— О, да, конечно. У меня с собой дорожная аптечка, вот только в какую сумку я ее положил? — он посмотрел в раздумье на обе сумки, затем взял их и поспешил в бар. Позади все разом зашумели. Он закрыл за собой дверь как раз в тот момент, когда колокол у лодочных мостков извещал о прибытии пакетбота. Спокойно, стараясь не торопиться слишком, Уэббер разделся до белья. Он снял куртку, под плечи которой было подложено большое количество заты, и брюки в широкую полоску. Под ними у него была привязана губка, которая полностью изменяла его фигуру, создавая отвислый зад и округлое брюшко. Едва он снял все это, как превратился в стройного молодого человека спортивного вида. Он снял черный парик с сединой на висках и провел рукой по собственным, коротко стриженным рыжеватым волосам. Он вынул также резину изо рта, которая все равно как каппа у боксеров, изменяла форму его щек и губ. Каждую из этих деталей он сворачивал и засовывал в меньшую из своих дорожных сумок, где лежали лишь вся-

кая мелочь, зубная паста, крем для бритья, бритва. Затем он свернул маленькую сумку, взяв за углы, и засунул в большую, которую закрыл. Потом аккуратно надел вещи, которые принес в сумке: открытую голубую рубашку, светло-серые фланелевые брюки, синюю куртку и сандалии. Необычной формы очки изменили его еще больше. Он посмотрел на себя в зеркало и остался доволен: стройный, спортивно-небрежный молодой человек не имел ни малейшего сходства с мистером Джорджем Р. Ридом.

Все превращение заняло две минуты — примерно то же время, которое понадобилось бы, чтобы перебинтовать порез на руке. Между тем, большинство гостей, видимо, уже покинули холл и двинулись к пакетботу. Джордж Р. Рид и его нож были на время забыты.

Уэббер вышел из туалета, покинул пустой бар через боковую дверь, неся в руке единственную сумку. Он пошел по лужайке к склону холма и на ходу достал из кармана нож.

Уэст и его друзья сидели на своем обычном месте, на белых скамейках, созерцали шумную процессию отъезжающих, которая спускалась с холма.

Уэббер понял, что составленный им план великолепно удастся. Он мог явственно разглядеть щель в спинке скамейки — не более двух дюймов шириной. Знание человеческой анатомии облегчило ему прицеливание.

Он взял нож за лезвие, закрыл правый глаз и метнул на ходу оружие едва заметным движением своего немассивного, но мускулистого плеча.

Уэст вздрогнул и, не издав ни звука, обмяк.

Его телохранители стерегли труп.

Узббер пошел дальше, спустился по каменной лестнице и вышел на пляж. У лодочных мостков он смешался с толпой вновь прибывших, которые, болтая, поднимались по склону. По дороге он встретил группу отъезжающих, но ни один из них не узнал в нем пожилого вдовца Джорджа Р. Рида.

Он привычно подождал, пока остальные гости зарегистрируются, а затем подошел и поприветствовал симпатичную молодую регистраторшу, своим собственным, уже не искаженным голосом:

— Привет, меня зовут Пол Уилтон. В прошлую субботу я заказывал номер телеграммой.

По его взгляду было видно, что она не узнала его, и что спортивный мужественный вид его не оставил ее равнодушной.

— Да, мы зарезервировали за вами сорок второй номер, — кивнула она.

— Он спросил:

— Как тут можно убить время? Я не видел ни одного теннисного корта. А пляж, насколько я успел заметить, довольно каменистый.

— Люди приезжают сюда, потому что здесь красивые места, — сказала она. — И еще если хотят покоя. Развлечений у нас немного.

Она подвинула ему регистрационный формуляр.

Он взял авторучку в правую руку и начал писать: «Пол Уилтон, Отим-стрит, 112, Батлбрук, Коннектикут». Он недовольно потряс ручкой.

— Ей, что, кто-то играл? Дети баловались?

— Она пояснила:

— Тут был один клиент, который доставил нам некоторые сложности. Он был левша и испортил перо, когда писал. Вы только представьте себе! Он хотел совершить самоубийство. Здесь! У нас!

Она все еще была в возбуждении, вспоминая об этом.

— Вот так да! Его свезли в психушку?

— О, нет. Он как раз отправился на пакетботе. Слава богу!

— Да, бывают еще такие странные типы, — усмехнулся он. — Где мой номер? Мне не помешал бы сейчас хорошенький душ. Я весь просолился на морском ветру.

Она указала ему рукой на лестницу и снова занялась своими делами.

Как раз в тот момент, когда Узббер, он же Пол Уилтон, вошел в свой номер, телохранители Уэста заметили, что они сторожат мертвеца. Узббер подошел к окну и стал наблюдать, как паника и возбуждение распространяются, словно лесной пожар. Постояльцы отеля, гулявшие по пляжу, художники, приезжавшие порисовать на воскресенье, — вся масса людей сбжалась и жестикулировала возбужденно, но растерянно. Узббер зашел в небольшую ванную и включил душ на полную мощность. Он уже знал, что напор воды в отеле слабый, и никто на его этапе не сможет ни принять ванну, ни вымыть руки, пока у него идет вода. Когда начнутся вопросы, найдется достаточно свидетелей, что Пол Уилтон принимал душ, когда был найден труп Уэста. Он помылся, повязал полосатый галстук и достал из своей дорожной сумки куртку в клеточку. В шесть он спустился в бар.

По его поведению не составляло труда определить человека только что прибывшего: он был любопытен и болтлив. Он попытался навязать кому-то свое общество и пригласить выпить за свой счет. Между тем в холле появилось несколько человек, которые приехали с материка на самом быстром полицейском катере: шериф, несколько полицейских из Сквилл Харбора и — что странно — даже тайные агенты из ближайшего отделения ФБР. Никому кроме них не разрешалось находиться в холле.

Узббер завел разговор с барменом и пожаловался на неласковый прием, который испортил ему первый день отпуска.

— Я то думал, что здесь можно развеяться по-настоящему — приехать, освежиться и броситься в водоворот развлечений, а что оказывается? Толстый полицейский вытолкнул меня из холла так, что я даже не успел отдать ключи от номера. А каждый, с кем ни соберешься завести приятную беседу, становится мрачным как туча. Слова из него не вытянешь.

— Вы еще не знаете, что произошло? — важно спросил его бармен.

— Да, я слышал, что кто-то отдал концы. Он, наверное, утонул во время купания. Такое может произойти на острове очень даже просто. Вот я только недавно читал...

Бармен перегнулась через стойку.

— Нет, его закололи ножом! Он сидел с двумя друзьями на лужайке и вдруг оказался убитым.

Узббер присвистнул сквозь зубы.

— Вроде бы он был какой-то гангстерский босс, — продолжал бармен, который был рад, что ему удалось найти слушателя, знавшего еще меньше, чем он. — Крис Уэст его звали или как-то в этом роде. Несколько месяцев назад он был обвинен в убийстве, но его оправдали, потому что ничего не могли доказать. Мы знали его здесь как мистера Дейвиса. Очень милый был человек, весьма щедрый на чаевые. И оба его друга тоже.

Он тщательно протер стакан.

— Как возможно такое? Среди бела дня заколоть человека прямо посреди лужайки!

— Нож принадлежал некоему мистеру Риду, который уехал после обеда на пакетботе, — вмешался в разговор еще один посетитель бара.

Узббер покачал головой и поцокал языком.

— Ну, этого-то они быстро поймут, — предсказал он.

— Как только пристанет пакетбот к берегу.

— В этом-то и самое странное, — воскликнул собеседник. — Пакетбот пристал два часа назад в Сквилл Харборе — а Рида на борту не оказалось.

— Тогда, значит, он еще здесь, — сказал Узббер.

Бармен заметил:

— Он вроде носился с мыслями о самоубийстве. Сам признался в этом.

— Как тут что с чем связано — еще неизвестно. Но Рид, видимо, заколол Уэста. Нож был действительно его. Разрешите налить вам еще?

— Чутьочку позднее. Сейчас надо поесть, — сказал Узббер и отошел, покачиваясь, от стойки бара. — Может мне кто-нибудь показать, где бы здесь закусить? Я голодный, как волк!

Его посадили за столик, за которым сидели мистер и миссис Филдинг и мисс Лайонз. Но и здесь была только одна тема для разговора.

— Вон там он сидел, — рассказывала взволнованно мисс Лайонз и показывала на отдельный столик. — Нам сказали, что он отказался сесть за наш стол. Он хотел быть в одиночестве. Но мы, конечно, тогда ничего не подумали.

— Это сумасшедший! — заявил мистер Филдинг. — Он сам говорил, что хотел убить себя. И сразу после этого совершил убийство. Судите сами, разве не сумасшедший?

— Он не говорил ни с одним человеком, — сказала с сочувствием миссис Филдинг, — только сидел и что-то тихонько думал про себя. Смерть жены совсем выбила беднягу из колеи.

— Но ведь его не было на пакетботе, — твердо заявил Узббер. — Значит, он где-то здесь, на острове! Как представлю себе только... так и... — Он содрогнулся.

Мисс Лайонз выдвинула свою собственную версию:

— Мне кажется, все было так: он на самом деле хотел убить себя и раздобыл нож. Смертоносное оружие! Затем, когда он раздумал покончить с жизнью, потребность в убийстве у него осталась. Я недавно читала что-то в этом роде: обладание оружием вызывает неудержимую потребность в убийстве у людей с расстроенными нервами. Он подкрался сзади к мистеру Дейвису — или мистеру Уэсту — и заколол его. А когда пришел в себя и понял, что сделал, то кинулся в море с одной из этих ужасных скал на другой стороне острова.

Узббер восхищенно посмотрел на нее.

— С ума сойти! Да вы прямо настоящий детектив, мисс Лайонз, вот что я вам скажу!

Мисс Лайонз зарделась, польщенная.

Узббер продолжал:

— Я считаю, надо познакомить шерифа с этой вашей версией. Прошу простить, дамы и господа, я хочу прямо сейчас поговорить с ним.

В ХОЛЛЕ его задержали, как и всех остальных, и спросили фамилию.

— Пол Уилтон.

— Адрес?

— Отим-стрит, 112, Батлбрук, Коннектикут.

— Род занятий?

— Торгсвец антиквариатом.

— С какого времени вы находитесь здесь?

Регистраторша вмешалась:

— Он приехал сегодня, после полудня. Пожалуйста, мистер Дэли, будьте более внимательны к нашим гостям. Вы обращаетесь с людьми так, как будто все они преступники. У мистера Рида была порезана левая рука. Вы же видите, что у мистера Уилтона пореза нет и рука не перевязана. К тому же, его еще не было здесь в тот момент.

Полицейский чиновник примирительным тоном сказал Уэбберу:

— Сожалею, сэр, и приношу извинения. Но поймите и нас: мы ищем преступника.

— Рида, значит! — кивнул Уэббер. — Послушайте, Дэли, у меня есть кое-какие мысли по этому поводу. Кажется, вырисовывается очень интересная для вас версия. Зайдите потом ко мне, в 42-й номер, когда будет время. Я хочу изложить вам свою точку зрения.

— Большое спасибо за ваше дружеское предложение, — холодно сказал Дэли и вернулся на свой пост в дверях у выхода из кафе.

Юная регистраторша выглядела бледной и утомленной, и Уэббер сказал ей:

— Наверное, они уже вымотали вам все нервы?

Девушка кивнула.

— Ужасная история! Полиция допрашивает всех постояльцев, те раздражены и срывают досаду на мне.

— А правда, что тот, кого убили, был гангстером?

— Когда он умер, его друзья признались в этом. Они хотели, чтобы было как можно меньше шума, но у них ничего не получилось уже с шерифом, а тот еще вызвал агентов ФБР.

— Кстати, о ФБР, — неожиданно раздался сзади голос, так близко, что Уэббер вздрогнул. — Не будете ли вы так любезны и не пройдете ли к себе в номер? Или еще куда-нибудь? Находиться в холле до дальнейших распоряжений запрещается.

— Вы из ФБР? — спросил Уэббер.

Молодой брюнет с голубыми глазами кивнул.

— Будьте добры, сделайте мне приятное, а? — воскликнул Уэббер радостно. — В кино всегда показывают, как вы предъявляете свои удостоверения — прямо под нос человеку. Вот так.

Пошатавшись, он продемонстрировал, как.

— Я бы хотел разок повидать, какое оно. Покажите мне его, а?

Сотрудник ФБР, развеселившись, предъявил ему свое удостоверение.

— Хорошая фотокарточка, — заметил Уэббер и прочитал вслух имя: — Энтони Борденелли.

— Довольны? — засмеялся тот.

— Благодарю вас. В общем, Борденелли, пойду-ка я сейчас и лягу вздремнуть. Может быть, мне и придет что-нибудь на ум. И тогда я вам скажу утром разгадку.

— Очень мило с вашей стороны, — усмехнулся его собеседник. — А сейчас, пожалуйста, идите к себе. А еще лучше — прогуляйтесь при луне.

— Ну хорошо, хорошо! — усмехнулся Уэббер. — Мы поговорим завтра, Борденелли.

За завтраком Уэббер был в великолепном настроении. Он поприветствовал своих соседей по столу с тем значительным видом, который уже стал действовать им на нервы.

— Я глубоко продумал это дело, — громко провозгласил он. — И, мне кажется, нашел разгадку! Мисс Лайонз была права, но только до определенного пункта. Рид подумывал о самоубийстве и, поскольку желание убить у него осталось, он заколол Дейвиса — или Уэста — или не знаю, как его там. Но вот мы и подошли к самому главному пункту. Я не думаю, что он бросился в воду, нет! Я думаю, он спрятался! Он все еще здесь, среди нас! И он заколет еще кого-нибудь!

Мисс Лайонз так напугалась, что подавила хлебцем.

— Бог мой! Вы, надеюсь, не всерьез? — воскликнула она, едва к ней вернулась способность дышать.

— Совершенно всерьез! — подчеркнул Уэббер. — Тут все проще пареной репы! Вы сами вывели меня на верный путь! — Но... но ведь это же ужасно! — дрожащим голосом пробормотала миссис Филдинг. — Подумать только...

— Не будем портить себе день такими ужасными предположениями, — сердито сказал ее муж.

Все утро Уэббер продолжал ходить повсюду и досаждал всем. Он приставал к полицейским, он охотился на постояльцев отеля и излагал им все новые и новые свои «версии», вселяя в них ужас. Он даже попытался организовать отряд добровольцев для поимки спрятавшегося Рида.

Около десяти утра труп Уэста был отправлен на материк полицейским катером. Безработные телохранители, шериф и полицейские уехали тоже.

В ВЕЧЕРОМ по радио передали сенсационное сообщение об убийстве Уэста. Известный гангстерский босс, он на протяжении многих лет ускользал от Фемиды, и вот судьба настигла его на маленьком острове, среди отдыхающих. Он удалился на этот островок, надеясь переждать, пока забудется нашумевший процесс по делу об убийстве, а также в надежде, что финансовые органы потеряют его на время из виду. Многие рассматривали убийство Уэста как возмездие провидения — преступник оказался вдовцом, которого свела с ума понесенная утрата.

Уэббер продолжал свои энергичные усилия. Во время ужина с Филдингми и мисс Лайонз он произнес двухчасовой монолог об ужасных и таинственных несчастьях и леденящих душу смертях. На следующее утро он продолжал вмешиваться во все, давая советы раздраженным полицейским и запугивая гостей своими ужасными историями.

Когда он пришел на обед, официантка остановила его в дверях и заявила, что, поскольку посетители жалуются, ему отведен отдельный стол — тот самый, за которым сидел Рид. Мистер и миссис Филдинг и мисс Лайонз не обращали внимания на его оскорбленные взгляды. А когда Уэббер вернулся после обеда к себе в номер, он нашел под дверью письмо: директор отеля сожалеет, но срок его проживания изменен по техническим причинам, и он должен покинуть номер не позднее пяти часов вечера.

Очень довольный успехом той комедии, которую разыграл, Уэббер начал собирать свои вещи. В пять он спустился в холл с одной тяжелой сумкой. Борденелли сидел за столом в углу и печатал на портативной пишущей машинке. Уэббер подошел к нему.

— Я уезжаю, — грустно сообщил он.

— Счастливого пути, — терпеливо сказал Борденелли.

— Произошла ошибка в бронировании номера, — объяснил Уэббер, — Как глупо.

Он вытанул шею, чтобы посмотреть, что печатает Борденелли, и тот сердито прикрыл рукой лист.

— И вы тоже не против, что я уезжаю?

— Как раз наоборот, — проворчал агент ФБР, теряя терпение.

— Я имею в виду, что я мог бы помочь вам. У меня ведь есть несколько собственных версий этого дела...

— Я слышал ваши версии, — вздохнул Борденелли. — Неужели вы не можете, наконец, перестать совать свой нос во все дела?

Уэббер, не смущаясь, продолжил:

— Я знаю, что никто не хотел меня слушать. Именно в этом и заключается ошибка. Полиция слишком самоуверенна. Меня очень удивило бы, если б убийцу поймали!

Борденелли хлопнул ладонью по столу.

— Ну все, с меня хватит! — закричал он, и краска ударила ему в лицо. — Исчезните, наконец, с этого острова! Можете, тогда мы сможем заняться этим делом! До сих пор вы только и делали, что вертелись у нас под ногами и доводили до белого каления! Послушайте, приятель! Ведь вас здесь не было, когда это случилось! Вы даже не видели в глаза ни Рида, ни Уэста! Но вы все знаете лучше, чем мы!

Уэббер, казался, был толстокож и совершенно непробиваем.

— Так, значит, вы не против моего отъезда? — переспросил он.

— Вон! — рявкнул Борденелли. — Убирайтесь вон! Идите вниз и ждите катера! По мне, так можете отправляться в плавание, до самого материка! Но чтобы я вас здесь больше не видел!

— Ну ладно, ладно, — разочарованно сказал Уэббер. — Наверное, однажды вы еще пожалеете, что не оставили меня здесь и...

— Этот риск я беру на себя, — сказал Борденелли.

Отпущенный гангстер покинул остров вечерним рейсом пакебота.

В ПОИСКАХ СНЕЖНОГО ЧЕЛОВЕКА

Леонид ЗАМЯТНИН

СВЕДЕНИЯ о снежном человеке появились в печати еще в прошлом веке. В 1837 году А. У. Уэддел упоминал о нем в книге «Приключения в Гималаях». Тибетцы называют его «метч канг-ми» (отвратительный снежный человек), видимо, из-за неприятного запаха, присущего этому существу. Жители Гималаев, шерпы, называют его «йети» или точнее «Йе-Те» (существо, живущее среди камней). Жители горных районов Гималаев и Тибета, Памира, Тянь-Шаня и Кавказа, по их утверждениям, неоднократно встречались со снежным человеком. Однако к этим сообщениям европейцы долгое время относились с недоверием, считая их плодом фантазии туземцев.

Первым европейцем, повстречавшим йети, был известный исследователь Гималаев и Тибета Генри Элунс. Произошло это в Тибете в 1906 году.

В 1925 г. А. Н. Томбацци сообщил, что шерпы, работавшие в его экспедиции, при съемке массива Канченджанги, встретили человекообразное существо, по их словам — йети. Томбацци осмотрел следы. Они ничем не отличались от следов белого человека, за исключением того, что пальцы были примерно одинаковой длины.

Английский горовосходитель Г. У. Тилмен в своей книге «Гора Эверест, 1938» сообщил о том, что в 1937 г. Джон Хант обнаружил следы йети на перевале Зему на восточном склоне Канченджанги.

Следы йети, сфотографированные альпинистом Эриком Шиптоном на леднике Мелунг во время английской эверестской экспедиции 1951 года, опубликовала в 1952 г. одна из египетских газет. О таких же следах, обнаруженных над ледником Кхумбу швейцарской экспедицией 1952 г., упоминает в своей статье руководитель экспедиции доктор Эдуард Висе-Дюнант.

В 1954 г. была опубликована статья участника второй швейцарской экспедиции на Эверест Нормана Г. Диренфурта, в которой автор сообщил, что 4 ноября 1952 г. йети совершил набег на его палатку, установленную на высоте 7000 м. В час ночи Диренфурт проснулся от удушья, вызванного невыносимым мускусным запахом, исходящим от существа, которое ходило по палатке и тяжело дышало. Шерпы, опознав следы, сообщили, что это был йети.

В 1954 г. англичане посылают в Гималаи специальную экспедицию для поисков йети, которую финансирует газета «Дейли мейл». Цель экспедиции во главе с Ралфом Иззардом — встретиться с йети и, по возможности, поймать и изучить его. Однако англичане потерпели неудачу, хотя неоднократно обнаруживали следы йети.

В 1957 и 1958 гг. в Непале, на южном склоне Гималаев, работали еще две экспедиции, руководимые Джералдом Расселом. На этот раз для поисков йети использовали специально обученных собак-ищеек, но найти его опять не удалось. Были лишь сфотографированы следы йети на снегу.

В 1961 г. со следами йети сталкивается в Непале первоисследователь на Эверест новозеландец Эдмунд Хиллари.

В 1974 г. польский альпинист Анджей Завада — участник экспедиции на гималайский восьмидесятилетний пик Лхоцзе — не только сфотографировал следы йети на снегу, но и сделал с них гипсовые слепки. Кинооператор этой экспедиции Ежи Сурдель запечатлел на киноплёнке следы двух йети.

Осенью 1978 г. руководитель первого успешного штурма Эвереста Джон Хант обнаружил и сфотографировал цепочку следов йети на снегу в районе ледника Кхумбу вблизи Эвереста.

А розно через год английская экспедиция в Непале снова натолкнулась на следы снежного человека и даже слышала его вой. Удалось обнаружить экскременты йети.

Правительство Непала запретило охоту на йети. На официальных картах страны обозначены места его обитания.

Но все это Гималаи. А что у нас в стране?

В конце прошлого века русский зоолог профессор К. А. Сатунин, путешествуя на юге Азербайджана в Тальшинских горах, встретил самку «кулейбани» (так называют снежного человека местные жители). В 1899 г. в журнале «Природа и охота» Сатунин опубликовал статью «Биабангули», в которой изложил собранные у местного населения сведения о «лесных людях».

Вслед за этим зоолог и анатом профессор В. М. Халлов собрал опросный материал в Средней Азии. В 1914 г. он дал морфологическое описание «дикого человека», которого назвал «первочеловеком азиатским». Он собирался организовать специальную научную экспедицию в Среднюю Азию, но Российская Академия Наук не поддержала предложения профессора Халлова.

В последующие годы с горных окраин страны постоянно поступали известия о встречах со снежным человеком. В конце 1957 г. гидролог А. Г. Пронин сообщил в прессе о своей встрече со снежным человеком в долине Баянд-Кикк на Памире.

В 1958 г. «Известия Всесоюзного Географического общества» опубликовали первый серьезный анализ собранных сведений, произведенный членом-корреспондентом Академии Наук СССР С. В. Обручевым. Изучением снежного человека активно занялся профессор Б. Ф. Поршнева. При Академии Наук была создана специальная комиссия, которая организовала экспедицию на Памир. Однако поиски ни к чему не привели.

Вот что заявил профессор К. В. Станюкович, руководивший этой экспедицией: «Следов дикого человека, аналогичных тем фотографиям, которые публиковались в зарубежной печати, мне видеть не приходилось. Опытные и хорошо осведомленные люди говорят, что они никогда не встречали дикого человека и никогда не находили его следов». На этом официальная наука поставила точку, «покончив» со снежным человеком, решив, что он не что иное, как миф, выдумка. Но вот беда — сведения о встречах с ним продолжали поступать и поступают по сию пору.

Работу продолжила группа энтузиастов во главе с профессором Б. Ф. Поршневым, зоологом А. А. Машковцевым, палеозоологом Н. И. Бурчак-Абрамовичем и их более молодыми последователями.

Кстати, само название «снежный человек» несуразное и даже бессмысленное. Так прозвали это таинственное существо только потому, что впервые обнаружили его следы на снегу. Но ведь оно оставляло свои следы и на песке, и на глине, и с таким же успехом могло быть названо «песчаным» или «глиняным человеком». Так что никакой он не «снежный», да к тому же и не человек. Исследователи назвали его «гоминоидом» (человекоподобное существо). Это уже не обезьяна, но еще не человек. Согласно теории Б. Ф. Поршнева, — это не что иное, как неандерталец, доживший до наших дней. Люди, занимающиеся изучением проблемы реликтового гоминоида, называют себя гоминологами. Все они считают гоминоидов древнейшими обезьянолюдьми, но некоторые, в отличие от Поршнева, относят их не к неандертальцам, а к питекантропам или синантропам.

И по сей день гоминологи-энтузиасты ведут исследова-

ния на общественных началах, во время летних отпусков выезжают в экспедиции на Памир, Тянь-Шань, Кавказ, пытаются встретиться с гоминоидом, установить с ним контакт, опрашивают местных жителей, обмениваются информацией о своих находках и наблюдениях.

В ЛАГЕРЕ гоминологов на слиянии Черной и Белой реки (Памиро-Алтай, Гиссарский хребет), недалеко от домика гидрологов мы с моей женой Анютой появились неожиданно. Мы не договаривались с начальником экспедиции, что придем к ним. Просто, закончив в начале октября работу в альплагере «Артуч», я решил заглянуть в этот район: знал, что наверняка встречу гоминологов. С начальником я был знаком, однако, принял он нас холодно, настороженно. Присутствие в лагере чужих людей его явно не радовало. Человеком он был непростым и скрытным. Больше всего боялся утечки информации. О гоминоиде, обитавшем в этом районе, или о Гоше, как его прозвали гоминологи, шеф знал многое. Но даже со своими людьми он не был полностью откровенен, не раскрывал карты до конца. И я не берусь объяснить причину такого его поведения.

Мы пришли со своей палаткой, своим снаряжением и продуктами, которые тут же отнесли на кухню. Так что никого своим присутствием мы не обременили. «Располагайтесь, раз пришли», — сухо бросил шеф. Пока мы с Анютой устанавливали палатку, он собрал своих людей и о чем-то побеседовал с ними. Я догадывался, что он дал им какие-то указания насчет нас: не слишком, мол, болтайте языками. Ну да бог с ним.

Я хорошо знал эти ущелья. Пять лет назад работал здесь инструктором на альпинистских сборах, поднимался на некоторые вершины. Сейчас мне хотелось познакомиться с работой гоминологов, убедиться самому в том, что Гоша действительно появляется, бродит где-то поблизости, как не раз они сообщали об этом.

Совсем недавно поднялись снизу десять человек — новая смена гоминологов. Лишь шеф и его заместитель Решат сидели здесь с начала лета. Конечно, мне не терпелось узнать, что новенького произошло в этом году, приходил ли Гоша. Однако я ничего не узнал. Так, туманные намеки. Шеф сказал, что следов было много, что Гоша здесь не один, и на этом разговор закончил. Но я чувствовал, что нечто интересное происходит. Ребята были наэлектризованы, и, если б не предупреждение шефа, они бы, конечно, вывалили мне кучу новостей. Я видел это по их глазам. Ну что ж, посидим, посмотрим сами. Имеющий глаза да увидит.

Свою палатку-памирку мы с Анютой поставили на отшибе, поближе к зарослям у Черной реки. Шеф ознакомил нас с принятыми у них в лагере правилами поведения: палатку на ночь не застегивать, спать головой к выходу (чтобы все видеть и слышать), с наступлением темноты не производить никакого шума, разговаривать только шепотом, не бродить по лагерю, не зажигать огня, чтобы не спугнуть возможных гостей.

Палатки лагеря сгрудились вокруг кухни-козрища и продовольственного склада с полиэтиленовой крышей на случай дождя. Правда, дожди в этом районе большая редкость. Территорию лагеря пересекало несколько тропок.

После ужина шеф отозвал меня в сторону: «Сегодня ночью у нас, возможно, будут гости», — тихо промолвил он, — так что будьте внимательными». Он как бы давал понять, что доверяет мне больше, чем остальным, считает меня человеком серьезным. Я решил ни о чем не расспрашивать его, зная, что это все равно бесполезно.

Ребята устроились у костерка. Девушки-студентки затянули украинскую песню. Я не успел еще познакомиться толком с людьми, даже имен не запомнил. Утомленные дневным переходом с тяжелыми рюкзаками, мы с Анютой забрались в палатку и очень быстро уснули под неумолчный гул горной реки.

Спали, как убитые, безо всяких сновидений. Когда я проснулся, лагерь еще безмолвствовал. Я выглянул из палатки и увидел шефа, согнувшегося над тропинкой. Похоже, он что-то там обнаружил. Я живо оделся и подошел к нему.

— Приходил двухлетний детеныш, — сказал он, перенося на кальку след босой левой ноги.

Толстый большой палец на отпечатке сильно оттопырен вправо. Такой след не мог оставить человек. Мы измерили его линейкой. Длина ступни 14 сантиметров, ширина в даль-

цах — 10 сантиметров, в пятке — 8.

— Исчез сахар, который был оставлен на столе в открытой коробке, и это странно. Обычно Гоша никогда сахар не трогал, — задумчиво произнес шеф.

Признаться, этот отпечаток ступни вызвал у меня некоторые сомнения. Я обратил внимание, что очень уж он был «чистым», без мелких камушков, покрывавших всю поверхность поляны. Если маленький Гоша наступил на землю, то куда исчезли эти камушки? По моим понятиям, они должны быть просто вдавлены в грунт. Но их не было вовсе. Все же я решил не высказывать свои сомнения вслух.

Тем временем лагерь уже был на ногах. Все, включая Анюту, ползали вокруг следа маленькой стопы — фотографировали, измеряли, зарисовывали. Возбужденно гудя, делились впечатлениями.

— Хотите посмотреть фокус?! — раздался веселый голос в стороне.

Мы повернули головы. Долговязый, стриженный наголо Сеня, студент последнего курса мединститута, сидел на корточках с яйцеобразным камнем в правой руке и что-то разглядывал на земле.

— Я выдолбил его всего за три минуты, — гордо заявил он, указывая на отпечаток босой ступни, как две капли воды похожий на тот, который публика только что снимала на фото- и кинопленку.

Народ сник и заскучал. А шеф взбесился.

— Что это за дурацкие шутки? Чтоб я этого больше не видел! Ты понял меня?

И нахальный блеск в Сениных глазах потух. Расходились молча.

— Не верю я в снежного человека, — сказал мне Сеня, — шеф дулит толпу.

— Тогда зачем ты приехал в экспедицию?

— Для того и приехал: убедиться, что все это — чухня.

В Душанбе я видел ребят из прошлой смены. Показывали кучу переснятых на кальку следов, всяких страстей порассказали. Послушать их, так Гоша только тем и занимался, что бродил вокруг лагеря. Говорят, что у Решата хранится толстенная тетрадь наблюдений за все лето. Чуть что показалось — все тотчас записывают. Мне кажется, что шеф собрал сюда только тех, кто свято верит всему, что он говорит. Везде и во всем они готовы видеть Гошу. А я — скептик. И за это шеф меня не любит. Интересно, что следы появляются всегда, когда в лагерь приходят новые люди. Только мы снизу подыались — наутро следы. Теперь появились вы с Анютой — и опять следы. Разве не странно? По-моему, это шеф специально возбуждает интерес у вновь прибывших.

— Ты хочешь сказать, что следы — дело его рук?

— Я этого не говорю, но...

— А тебе не приходило в голову, что Гоша, может быть, очень любопытен, и его интересуют новички? А потом он привыкает к ним и, изучив, теряет интерес. И следы больше не появляются. Ведь можно и такое предположить. Мы изучаем его, а он — нас.

— Ну, ну, — хмыкнул Сеня и пошел к протоке чистить зубы.

СЛЕДУЮЩЕЙ ночью опять произошло ЧП. Все крепко спали. Гошиных следов наутро не обнаружили, но тем не менее кто-то поинтересовался продуктами, специально оставленными на столе. Запечатанная пачка сахара была надорвана, и несколько кусочков исчезло. Крупная сырая картофелина надкушена. Но самое удивительное — закусена мощными челюстями закрытая банка сгущенки. Ночному гостю не удалось прокусить банку насквозь и добраться до содержимого. Но приплюснута она была здорово. На металле явственно видны были следы зубов.

Мы крутили банку в руках, фотографировали ее, каждый высказывал свои соображения.

— Не забудь сделать запись в журнале наблюдений, — сказал шеф Решату.

И тут снова поразил всех своей выходкой долговязый Сеня. Внезапно он взревел, схватил вторую банку сгущенки (совершенно кругленькую), сунул ее в рот и напрягся. С трудом отобрал у него банку, и, честное слово, ей было нанесено точно такое же увечье, как и первой.

И я вдруг расхохотался. Понимая неуместность своего смеха, пытался сдержаться, но хохот разбирал меня еще больше. Дело в том, что огромный сутуловатый Сеня с

руками до колен, мощной, выступающей вперед челюстью, удивительно напоминал мне сейчас неандертальца, каковым по нашим представлениям и был Гоша. Я вспомнил, как в Ленинграде с одним моим приятелем, кстати, антропологом, мы стояли у станции метро «Гостинный двор». И он подтрунивал надо мной: «Стоит ли ехать на Памир, чтобы разыскивать по ущельям вашего заблудившегося неандертальца. Посмотри внимательно на людской поток: каждый десятый — неандерталец, со всеми его характерными признаками».

Я заметил, что вызвал своим смехом явное недовольство шефа. Но не мог же я объяснить ему причину этого смеха. Я и сам понимал, что банку попробовал на зубок Гоша: больше никому, кроме Сени.

Познакомившись с ребятами поближе, я выяснил кое-что о событиях этого сезона. Похоже, Гоша и вправду гуляет в округе, совершенно не обращая внимания на пастухов, занятых своими баранами, и на альпинистов. А вот гоминологами, жаждавшими встречи с ним, Гоша вроде бы интересуется.

В начале сезона ребята ходили по соседним ущельям, дежурили с приборами ночного видения. Но когда его ждали, Гоша не появлялся. Казалось, он обладал какой-то непонятной гипнотической силой. В редкие ночи его посещения (о которых свидетельствовали следы), на всех гоминологов напала беспробудный сон.

Пробовали получить Гошино изображение с помощью прианки и двух кинокамер, установленных недалеко от нее. Однажды, проснувшись, обнаружили, что кинокамеры ночью сработали автоматически, как и было задумано. Неужели, наконец, удача? На взрыхленной полосе нашли следы медведя и Гоши.

Проявили пленки в Душанбе. И убедились, что Гоша снова перехитрил гоминологов. Все отснятые кадры запечатлели косолапого приятеля, которого Гоша вежливо пропустил вперед.

И тогда шеф решил отменить и разведывательные рейды, и ночные дежурства вне лагеря. «Гоша должен сам прийти к нам в гости, — заявил он. — И придет, если все мы будем настроены на добро и очень захотим встретиться с ним». Публика решила, что шеф прав и «настроилась на добро».

У худенькой большезлазой Анюты — человека застенчивого и не слишком общительного — появился друг: жирный сибирский кот Леопольд, обитатель домика гидрологов. Откуда он взялся, не знали и сами хозяева. Деловой, вечно отлучающийся куда-то, Леопольд безошибочно находил Анюту даже в темноте, забирался к ней на колени и довольно мурлыкал. Нормальные коты по ночам спят. Этот же был отъявленным полночином. Вероятно, где-то отсыпался днем. Если Анюты не было в лагере, Леопольд залезал в ее спальный мешок и терпеливо дожидался хозяйки. И, надо сказать, симпатия их была взаимной.

Сегодня шеф вдруг разрешил почему-то ночные дежурства в районе лагеря для всех желающих. Какие-то соображения у него, видимо, были. Но, как всегда, он ни с кем не поделился ими. Быть может, только с Решатом, с которым жил в одной палатке. Но тот во всем копировал шефа и даже напускал на себя еще больше важности и таинственности.

Шеф поставил лишь одно условие: все добровольцы должны заранее, до наступления темноты, выбрать себе места для дежурств и сообщить ему их втайне от всех остальных. Шеф вел свою игру, понятную лишь ему одному, но все к этому уже давно привыкли.

Для меня он был загадкой ничуть не меньшей, чем Гоша. По-моему, оба они — экстрасенсы. И неизвестно — кто больший. До сих пор неясно, почему в конце прошлого сезона он, по секрету от всех остальных гоминологов, на ночь глядя, оставил Нину на том берегу Черной реки, как раз напротив лагеря. Он заверил ее, что Гоша обязательно придет, если она мысленно будет звать его.

Самое интересное, что все именно так и произошло. Гоша появился неожиданно и совсем не с той стороны, откуда она предполагала. Он остановился в нерешительности на почтительном расстоянии от Нины. И тогда она двинулась ему навстречу.

Можно себе представить, что чувствовала девушка ночью одна на берегу горной реки лицом к лицу с Гошей. Даже если бы она крикнула о помощи, никто б ее не услышал: лагерь был далеко, да и горная река заглушит любой крик. И все же она сделала эти пять шагов навстречу Гоше и тут,

неожиданно для себя самой, сдвинула в ладони резиновую птичку-пищалку. Резкий звук не понравился Гоше. Он повернулся и начал спускаться по очень крутому склону вниз к реке.

Видимо, Нина была в шоке, потому что не помнит, как оказалась в воде. Ее едва не унесло. С трудом выбралась на берег и потеряла сознание. Вскоре шеф забил тревогу. Парни переправились через реку и нашли девушку насквозь мокрой, лежащей у самой воды.

Многие гоминологи осуждали шефа за его рискованный эксперимент с Ниной. Хорошо, что все окончилось благополучно. А ведь всякое могло произойти. Мог ее утащить Гоша, или она могла утонуть в реке. Однако не утонула, не простудилась, не заболела — и снова приехала в горы, в это же самое ущелье. Нина верит, что встретит Гошу еще раз и что на этот раз они не испугаются друг друга, как в прошлом году...

Мы с Анютой решили обязательно подежурить сегодня ночью. Пошли выбирать место. Мне показалось, что хорошо бы залезть на обломок скалы на противоположном берегу за Белой рекой и ночью понаблюдать оттуда за лагерем. Я сообщил об этом шефу.

— Не возражаю, — сказал он, — но советую с наступлением сумерек, когда вас не будет видно из лагеря, забраться на высокую скалу, поглядеть, послушать. Мне кажется, откуда вы не увидите лагерь и не услышите ничего, кроме шума реки.

ЕДВА стемнело, я последовал его совету и убедился, что он прав. Темнота давила. Палатки наши растворились в ней бесследно. Нависающий за спиной склон угнетал, таил какую-то скрытую угрозу. Шум бегущей воды заглушал все прочие звуки. Хотелось поскорее покинуть это неуютное место.

Я вернулся в лагерь и доложил шефу, что место наблюдения, действительно, неудачное. Он взял меня под руку и отвел в сторону от палаток:

— Советую вам с Анютой обосноваться вон на том камне, — и указал на огромный валун на нашем берегу у подножья склона, рядом с густым тополем.

И вдруг мы оба одновременно увидели огонь в березовой чаще у Черной реки. Кто-то, ломая кусты, быстро шел, почти бежал к палаткам с включенным фонарем в руках. Кроме гоминологов, здесь сейчас никого не было. Гидрологи ушли вниз. Значит, это кто-то из наших и что-то с ним произошло необычное. Включение фонаря ночью строжайше запрещалось. Мы с шефом рванулись навстречу.

— Сейчас же погасите огонь, — зашипел шеф. — Что за безобразие?

Как лось, не разбирая дороги, мчался к лагерю долговязый медик Сеня. Он запыхался. Даже в темноте я разглядел, что лицо у него белое.

— Понимаю, я решил караулить там, в зарослях у реки. Решил, что если придет Гоша, то оттуда.

— Погаси, наконец, фонарь. Почему ты ушел один? Я же сказал — только парами дежурить. И кто разрешил тебе забираясь туда? Ведь там коридор, — выпалил шеф и осекся, словно сказал что-то лишнее. — Что произошло?

— Я притаился у камня под березой. Сзади кусты ивняка — никто не подойдет неожиданно. Слушаю, как шумит река. Прошло минут пятнадцать. И тут мне почему-то стало не по себе. И вдруг — шорох в кустах, и о ствол березы, у которой я стоял, ударился камень. И снова камень, опять в березу. Кто-то кидает сзади. Жутко мне стало. Я и удрал.

— Вот что, дорогой, тебя прогнали оттуда. И поделом, — уже спокойнее сказал шеф.

— Кто прогнал?

— Тот, кому не понравилось твое присутствие. Еще один самовольный поступок, и мы с тобой расстанемся. Ты понял меня, Сеня?

— Понял.

— А теперь иди спать. И, пожалуйста, никому ни слова. Все еще не отдышавшийся, Сеня направился к своей палатке. Похоже, одним скептиком в лагере стало меньше.

Я обогнул кусты и забрался на валун, указанный шефом. И снова убедился в его правоте. Хотя и не было луны, но звездное небо создавало серебристую подстветку, и с моей точки я хорошо видел лагерь. Тропки, пересекающие его, выделялись светлыми полосками. Лишь кусты и деревья

скапливали черноту. Белая река протекала вдали за лагерь и не заглушала звуков ночи.

Я сообщил шефу, что место отличное.

— До сколько дежуриим?

— Пока не начнете засыпать.

Захватив оба пуховых спальника, мы с Анютой направлялись на свой пост. Расстелив мешки на камне, сохраним солнечное тепло, мы залезли в них по самое горло и уселись спина к спине. Распределили секторы наблюдения. Теперь мы представляли из себя четырехглазое существо, видящее все вокруг на триста шестьдесят градусов. А еще у нас было четыре уха. Так мы и превратились на время в зрение и слух.

Подошло время отбоя, и лагерь затих. Над нами навис густой тополь, за ним — в сторону склона — заросли березняка. Молчим. Глаза постепенно привыкают к темноте. Ухо начинает различать отдельные ночные звуки. Монотонный металлический шелест — это трещат цикады. Оказывается, даже Белая река шумит в разных местах по-разному. Выше переправы ревет водопад, у самой переправы — булькает, а ниже — гремят, постукивают, стелкаясь лбами, камни, увлеченные потоком.

Становится прохладней. Мы начинаем клевать носами. Неожиданно со стороны реки доносятся странные звуки: будто кто-то постукивает камнем о камень. Потом мы улазливает смутное бормотание. Вздвигаемся, насторожившись. Но вскоре эти звуки стихают.

Мы уже откровенно засыпаем. Гляжу на светящийся циферблат часов: три ночи. Покидаем свой пост и отправляемся спать в палатку.

Еще две ночи мы с Анютой дежуриим на своем камне. Но ничего особо интересного не происходит. Правда, в первую ночь услышали в зарослях треск и что-то похожее на позвякивание колокольчика. Но наутро обнаружили в березняке оседланного ишака, сбжавшего с пастушьей кошары в верховьях ущелья. В другой раз посреди ночи мы увидели две странные тени, два силуэта — высокий и низкий — крадущиеся к продуктовому складу. Признаться, мы с Анютой решили, что это Гоша с детенышем. Но оказалось, что это были Сеня с Володей, заглодавшие ночью. Они признались нам по секрету и просили не сообщать об этом происшествии шефу, что мы и сделали.

Днем мы взрыхляли контрольную полосу, на которой Гоша должен был оставить свои следы, но почему-то не оставлял. В самую жару залезали по очереди в «ванну молодости» — искусственный водоем на протоке, которую мы перегородили залудрой. Ничего интересного не происходило. А потом начались события...

На завтраке шеф предложил группе из шести человек во главе с Решатом переправиться на тот берег Черной реки и до обеда обследовать побережье и подножье склона вниз по течению. Кроме Решата, в группу вошли пожилой геолог Николай Иванович, Сеня, Нина и мы с Анютой. А вдруг да удастся обнаружить следы пребывания Гоши: отпечаток ступни, вывернутый корень, выпотрошенную тушку мышки или еще что-нибудь. Мы уже засиделись в лагере и потому радостно согласились на эту прогулку.

Мы переправились через реку на карабинах по натянутой веревке и не спеша двинулись вниз. Крутой склон начинался почти от самой реки, постепенно удаляясь от воды.

Меня интересовали наши спутники — почему они увлеклись поисками реликтового гоминоида, что послужило толчком? Маленький, плотный Решат, широколицый и скуластый, как и подобает сынам Востока, во всем подражал шефу, особенно по части таинственности. Хитро улыбнувшись, он уклонился от ответа на мой вопрос. Зато Николай Иванович — мужчина крупный и мускулистый, с широким лбом и умными грустными глазами — принял рассказывать охотно.

— С чего начался мой интерес? Случилось это 20 лет назад. Работали мы в Горной Чечне, в верховьях реки Чанты-Аргун. Однажды в маршруте я шел по балке, заросшей кустарником. Геофизик приотстал. Я не очень пуглив, но тут испытал вдруг ужас. Чувствую: на меня кто-то смотрит. И тут мы встретились глазами с крупным лохматым человеком (о гоминоиде я тогда ничего не знал), который сидел на противоположной стороне балки и разглядывал меня. Голова у него была конусообразная. Сам весь черный, а лицо — светлое. Мне захотелось скрыться от него. Побыстрее прошел вперед и свернул вправо. Минуты две постоял за поворотом,

успокоился — и любопытство взяло верх. Решил вернуться и взглянуть. Вернулся, а его уже нет. После, в Баку, мне попалась на глаза статья в газете, где были описаны встречи местных жителей с гоминоидом. Прочел и погял, с кем я поастречался. С той поры и увлекся.

За разговором достигли горизонтальной площадки на осыпи над рекой.

— Вот здесь Нина встретила с Гошей прошлым летом, — сказал Решат и остановился.

Молчаливая Нина — худенькая, сероглазая девушка — шла за нами, задумчиво опустив голову, и как будто не слышала его слов.

— Нина, расскажи, как было дело? — попросил я.

— Что рассказывать? Ведь об этом было в газете. Лагерь наш стоял там же, где и сейчас. Мне тогда самой захотелось подождать здесь ночью Гошу. Шеф уже в темноте проводил меня до этого места и ушел. Сказал, чтобы я ждала, что Гоша придет обязательно. Осталась я одна. Сижу. Буквально через 20 минут я услышала стук камня о камень. Мы и раньше слышали в своем лагере такие звуки. Я встала — все стихло. Долго сидела. Потом услышала какое-то нечленораздельное бормотание. Ночь была светлая, лунная, на воде — блики. Я снова встала, потому что чувствую: кто-то смотрит на меня. Вижу — метрах в двадцати стоит человек. Очень высокий, метра два ростом. Фигура массивная, почти квадратная. Суतуный, шея короткая, длинные руки висят свободно вдоль тела. Я пошла ему навстречу. Прошла метром пять. Заломнила блестящие глаза. Он смотрел на меня пронзительно, но не зло. У меня в руках была игрушка — птичка, которая пищала. И тут я машинально нажала несколько раз на пищалку. Он повернулся и пошел вниз. Ночью, по каменной осыпи — шел очень красиво, не каждый так пройдет днем по асфальту. Так и ушел.

— А почему ты решила, что ждать надо именно в этом месте?

— Мы там устраивали следовую полосу и почти каждую ночь появлялись новые следы... Ладно. Нам пора идти.

И мы двинулись дальше. Плоская прибрежная полоса все расширялась, склон уходил влево. Перелесок. Густые заросли ивы и березняка и еще какие-то колючие кусты, которые очень больно царапали ноги. Мы решили прочесывать берег, разбредая пошире — от склона до самой реки. Так разбредаются по лесу грибники, чтобы не идти друг за другом. Ничего не должно выпастить из нашего поля зрения.

Я пошел по самому верху, под склоном. Чуть пониже, стараясь не терять меня из виду, шла Анюта. Двигаясь не спеша, внимательно приглядываюсь к траве, кустарникам, камням. Никакого следа сейчас под ногами не увидишь — не на чем ему отпечататься, но вывернутый корень, сломанная ветка, перевёрнутый камень, клочок волос, зацепившийся за колючку, могут рассказать о многом. Иногда мы перекликаемся.

На глаза мне попался толстый красноватый корень, вывернутый кем-то из земли. Названия растений я не знаю, но решаю на всякий случай прихватить этот корень и показать шефу. Минут через сорок я поравнялся с пологом, изогнутым осыпным кулуаром, почти сврагом, спускающимся сверху. По таким кулуарам зимой сходят с вершин снежные лавины, летом сыплется камни, а после сильных дождей устремляются вниз грязе-каменные потоки — сели. Недели две назад в горах прошел ливень. Где-то наверху скопился вода и из моего кулуара сошел небольшой сели. Крупных камней он почти не вынес. Грязевой поток, достигнув пологого берега, затопил траву и кустарник, развернулся влево и, расширяясь, устремился вниз, параллельно реке. Очень скоро грязь высохла и сейчас все покрыто плотной коркой типа туркменского такыра.

НО что это? Засохшая выемка — совершенно отчетливый след. А вот еще и еще — целая цепочка. Кто-то большими прыжками легко, словно резаясь, спустился сверху по вязкой, еще не совсем схватившейся, глинистой массе. Следы и ошметки грязи, разбрызганные по сторонам. Вероятно, существо вляпалось наверху, там где осталась вода и грязь была пожиже. Сейчас все засохло и хорошо сохранилось. А вот еще следы, но меньше размером. Вероятно, спустились вниз двое — самец и самка. Следы идут вниз параллельно, иногда пересекаются. После восхождения мы сами иногда спустились с вершины прыжками по мелкой

осыпи. Такой спуск не требует больших усилий: только отталкивайся и лети. Высоту теряешь быстро, испытывая огромное удовольствие. И приземляешься мягко и приятно. И я представляю, как резвилась эта парочка. Какая удача, что с той поры не было ни одного дождя!

Я зову ребят. Все поднимаются ко мне. Решат снимать следы кинокамерой. Замеряем длину. Большая ступня — 42 сантиметра, та, что поменьше — 35. У меня самого сороковой размер обуви и длина ступни всего лишь 25 сантиметров. Ничего себе, ножка у Гоши! Длина шага — 1,5—2 метра. Вниз летать легко.

Мы идем по их следам. А вот здесь они отдыхали, сидя на склоне. Об этом говорят две мощные округлые вмятины — следы ягодиц и частично бедер. Вязкая грязь, засохшая затем на солнце, сохранила все следы. В выемки в подсыхающей уже грязи, налилась вода и потом подсохла корочка. Потому все так четко видно. Если б у нас был с собой воск или гипс, можно было бы заполнить выемки и получить прекрасные отпечатки. И день, когда были оставлены эти следы, можно установить довольно точно. Ведь ливни в этом районе — редкость. А гоминологи вели дневник наблюдений все лето. Нам очень повезло.

Но как странно они спускались. Вот цепочка только «минятюрных» следов (35 см). А куда же девался Гоша? А теперь только его следы (42 см). А вот и они исчезли, потому что селевой поток устремился в реку, а на траве и камнях ничего не обнаружишь. Но и того, что мы видели, вполне достаточно. Ребята все тщательно зафотографировали.

На радость мы даже опоздали к обеду. Шеф очень оживился от нашего сообщения, хотя, мне показалось, ему было неприятно, что первым на следы наткнулся я. Но ведь это была случайность, и любой другой мог увидеть первым эти следы. И мне было странно это неудовольствие шефа, отражавшееся на его лице. Он хотел сегодня же идти посмотреть следы, но потом передумал: можно не успеть вернуться до темноты, и потому отложил свой выход до завтра.

А потом в нашем лагере появились пришельцы. Но совсем не те, которых ожидали все с таким нетерпением. Пастух привел снизу двух здоровенных бородачей в шортах и кроссовках, увешанных кино- и фотоаппаратурой. Оба взмыленные. Но надо отдать должное — рюкзаки у них тяжеленные. Оказались они сотрудниками центрального телевидения из редакции «Клуба путешественников». Свалились они, как снег на голову. И шеф занервничал.

Режиссер Боб и оператор Влад. Так они представились, знакомясь. Парни — хоть куда, ушлые, знают все и всех, со всеми великими на «ты». И здоровяки редкостные, хоть сейчас выпустки их в нападении команды регбистов. Одним словом, — «бульдозеры». Давно я таких здоровяков не встречал. По горам ходят, в основном, люди худощавые и малогабаритные. Боб — компанейский, общительный парень. Мы сразу нашли с ним общий язык и даже обнаружили общих знакомых из мира альпинистов и горных туристов. Влад — более сдержан, молчалив.

Боб рассказал, что пришли они к нам всего на пару дней. Хотят снять сюжет об экспедиции гоминологов в Гиссаре для годоводней программы «Клуба путешественников». Он тут же начал расспрашивать меня о наших новостях, и я рассказал ему о следах, найденных нами сегодня на том берегу реки.

— Прекрасно. Завтра будем снимать их. Проведешь? Покажешь?

— Покажу, конечно. Но обратись сначала к шефу. Он здесь старший и решает все вопросы.

Тут я заметил, что шеф бродит вокруг нас кругами. Он явно не в духе: наш с Бобом контакт ему не нравится. Боятся, чтобы я не выболтал чего-нибудь лишнего. А чего, собственно, выбалтывать? Следы на высохшей грязи — ни для кого не секрет. На них я наткнулся сам, а мог и не наткнуться. И парни бы проскочили. Почему не показать их нашим кинопутешественникам? Пусть снимают ребята, раз такая у них работа. Ведь зачем-то они прилетели в Таджикистан? И я делаю вид, что не замечаю беспокойства шефа.

— Послушай, Боб, ты не слишком впечатлителен? — спрашиваю я. — Не испугаешься, если услышишь ночью какие-нибудь необычные звуки?

— Старик, — он подмигнул мне заговорщически, — в прошлом я мастер спорта по боксу в тяжелом весе. Это раз. А во-вторых, скажу тебе по секрету: не верю я в эту чертовщину. Вашего гоминоида нет, не было никогда и быть не

может. Это же ясно каждому здравомыслящему человеку. — Для чего же ты сюда притащился со всеми своими киноаппаратами и магнитофонами?

— Видишь ли, телезрителя интересуют всяческие чудеса типа Несси, снежного человека, Бермудского треугольника и летающих тарелочек. Без них ему скучно жить на свете. А мы работаем на телезрителя. Ехали-то мы совсем в другое место. Узнали случайно в Душанбе, что неподалеку работает экспедиция чудиков, разыскивающих снежного человека, вот и приперлись к вам. Не могли же мы упустить такой удачный случай: самим не надо ничего организовывать — снимай, проявляй и показывай. Работа есть работа. Сделаем о вас фильм минут на десять... Наломались мы с Владом сегодня. Надо и отдохнуть. Спокойной ночи, старик! — и он направился к своей палатке (Влад ночевал в домике гидрологов).

Я взглянул на часы: 22-50. Через десять минут отбой. Анюта уже спала. Осторожно, чтобы не разбудить ее, я забрался в спальник, застегнул его на молнию и вытянулся на спине.

Уснул я быстро. Но сон был неглубокий, тревожный. Мерешилось, что я слышу за палаткой лошадиное фырканье, бессвязное бормотанье. Проснулся, словно по команде, услышав поскрипывание щепня на тропе. Резко перевернулся на живот и увидел удаляющийся силуэт Боба. Он быстро шел в сторону домика гидрологов. Часы показывали половину пятого. Анюта сладко посапывала. Я придвинулся к ней и снова уснул.

На завтраке я заметил, что выглядит Боба неважно. Молча пьет свой кофе и не балагурит, как вчера. Куда девалась его общительность? Я решил, что Бобу нездоровится — простыл или сказывается горная болезнь: все-таки с равнины пришел человек, не успел акклиматизироваться.

— Как спалось, Боб?

Он посмотрел на меня испытующе, словно подозревая в чем-то нехорошем. Потом, отставив кружку, взял меня за руку и отвел в сторону.

— Старик, в вашем лагере водятся большие шутники.

— С чего ты решил?

— Сегодня ночью кто-то ползал вокруг моей палатки и при этом фыркал как конь.

— Боб, шутников мы не держим.

— Ты хочешь сказать...

— Только то, что сказал.

— Сегодня ночью я, кажется, впервые в жизни испугался по-настоящему, — признался Боб. — Задернул молнию палатки, залез с головой в мешок. Но все равно не смог уснуть до рассвета.

— Я видел, как ты смывался в домок к Владу.

— Так кто же все-таки ползал вокруг меня?

— Не знаю. Но пока не распространяйся об этом.

Я отозвал шефа. Выслушав меня, он сказал, что, кроме Гоши, к палатке режиссера подходить никто не мог. Когда Боб услышал об этом, у него отвисла челюсть. Похоже, армия скептиков потеряла еще одного бойца. И я пожалел, что не ночевал в нашем лагере кто-нибудь из маститых ученых, категорически отрицающих возможность существования реликтового неандертальца в наши дни. К сожалению, серьезные ученые не любят покидать мягкие кресла своих тихих кабинетов, а по горам ходят энтузиасты-любители в свободное от работы время.

Нам с Анютой очень хотелось посмотреть, как телевизионщики будут снимать Нину на той самой площадке за рекой, где она встретила в прошлом году Гошу. После этого они собирались запечатлеть следы парочки гоминоидов, обнаруженные нами вчера. Но шеф отправил нас двоих в верховья Белой реки с запиской к пастуху-таджику, на глазах которого Гоша стащил в прошлом месяце баранью тушу. Мы должны были привести этого пастуха для съемки, чтобы он показал и рассказал все, как было. «Вы у нас единственные альпинисты, кроме вас некого послать за Давлятом: по дороге дважды придется переправляться через реку. Но за вас я не беспокоюсь».

Я понимал прекрасно, что записка к пастуху была лишь поводом, чтобы отгечь нас от Боба. Не нравился ему наша дружба. Но желание шефа приходилось рассматривать, как приказ. И после завтрака мы ушли вверх по реке. Переходить поток пришлось всего один раз, а не два. Да и тут удалось без труда перебраться по камушкам, перепрыгивая с одного на другого.

Пока нашли отару, пока пастухи стригли овец, резали, разделывали и варили в котлах барана, пока мы поели с ними шурпу — солнце начало прятаться за горный хребет. Давлят долго раздумывал — идти с нами в лагерь гоминологов или нет. Ему льстила просьба самого начальника экспедиции («шибко умный человек»), хотелось посмотреть на новых людей, сняться в кино. С другой стороны, беспокоила его сохранность отары: ночью могли прийти медведи, а пастухов мало. Но все же любопытство взяло верх и, прихватив в котомку большой кусок свежей баранины («пусть покушает начальник»), Давлят отправился с нами в лагерь.

В пику нашему начальнику, телевизионщики на следующее утро залечатлили нас с Анютой в сцене с Давлятом. Указывая рукой на склон, где стояла его кошара в прошлом месяце, пастух рассказывал нам о том, как Гоша украл у него половину бараньей туши, как погнались за ним сторожевые псы, как Гоше пришлось бросить свою ношу и улепетывать вверх по склону по-добру-по-здорову. А мы с умным видом кивали головами.

После обеда телепришельцы утопали вниз. А еще через два дня решили уходить и мы с Анютой. На прощание шеф и Решат провели с нами долгое и нудное собеседование, пытаясь выяснить, что мы думаем о Гоше, о реальности его обитания в этом районе, что будем мы отвечать на вопросы интересующихся.

— Что расскажете, если спросят о наших делах?

— Для меня единственная и несомненная реальность — это две цепочки следов на глинистом склоне, на которые мы наткнулись, — ответил я.

— А все остальное?

Я молча пожал плечами. На том и расстались. Телевизионщики нас не обманули. Правда, нам с Анютой так и не удалось увидеть ту программу «Клуба путешественников», но мой друг рассказывал нам потом, что передача о гиссарской экспедиции, разыскивающей снежного человека, состоялась 2 января, и он нас узнал на экране. Но мы в то время были уже на Кавказе.

МАГИЧЕСКОЕ СЛОВО

ГДЕ я нахожусь? Пол твердый и скользкий, вокруг темно и смрадно, а кроме того пустота! И головная боль. Обессиленный, лежа на липком полу, Фестин застонал и произнес:

— Палочка!

А когда его волшебная палочка из ольхи не пришла ему в руку, он уже знал, что находится в опасности. Он сел и, из-за отсутствия волшебной палочки, которая обеспечила бы ему нормальное освещение, выскочил искру пальцами и пробормотал Слово. Из искры выстрелил голубоватый огонек и, лениво потрескивая, поплыл в воздухе.

— Вверх! — приказал Фестин, и огненный шарик, колеблясь, взлетел, освещая двери подвала, которые были так высоко, что Фестин, пославший вместе с шариком свой дух, увидел на мгновение собственное тело с расстояния сорока стоп в виде бледного пятна на темном фоне. Свет не отражался от влажных стен, вытканых из ночи при помощи магии. Фестин снова вошел в свое тело и приказал шарик:

— Погасни!

Шарик исчез. Фестин сидел в темноте, растягивая пальцы так, что хрустели суставы.

Кто-то захватил его в плен при помощи волшебства, неожиданно, потому что последнее, что он помнил, была прогулка по своему лесу и вечерняя беседа с деревьями. Прожив больше половины жизни среди шумного человеческого хаоса, с каждым годом ощущая, что время проходит и силы расточаются впустую, даром, Фестин решил удалиться от людских поселений и предаться спокойному созерцанию, проводя дни с такими собеседниками, как дубы, каштаны, серые ольхи, корни которых всегда тесно связаны с подземными водами. Уже шесть месяцев прошло с той поры, когда он в последний раз общался с человеком. Его полностью заняли вопросы мироздания — но он не занимался магией и никого не беспокоил. Так кто же набросил на него волшебную сеть и заточил в этот зловеющий подвал?

— Кто? — обратился он с вопросом к стенам. Сквозь каменные поры и споры покрывающей их плесени на стенах постепенно отпечатлелось имя, возникшее в виде густых черных капель:

ВОЛЛ.

На мгновение Фестин покрылся холодным потом. Первый раз он услышал о Волле Фелле очень давно. Говорили, что Волл нечто большее, чем волшебник, и меньшее, чем человек. Он бродит от острова к острову вокруг Внешнего Про-

странства и портит, портит всю работу Древних, порабощает людей, вырубает леса, губит на полях посевы и замуровывает в подземных гробницах любого волшебника или мага, который попытается ему противостать. Все беженцы с разрушенных островов всегда рассказывали одну и ту же историю: Волл прибывает со стороны моря с темным вечерним ветром, а вслед за ним на кораблях появляются его невольники. Их, жестоких и безгласных рабов колдуна, видели многие, Волла же не видел никто.

Но на островах было много людей и других существ злой воли, и Фестин, молодой волшебник, занятый своими делами, не придавал особого значения рассказам о Волле Фелле. Свой остров он надеялся сберечь, в нем были скрытые источники его силы и он прибегался к ним, к своим дубам и ольхам — с порывами ветра в листья, со знаками солнца на ветвях и темной грунтовой водой, омывающей их корни. Куда же делись эти деревья, его старые друзья? Неужели Волл уничтожил леса?

Проснувшись окончательно и встав на ноги, Фестин произвел одеревеневшими руками два широких движения, громко выкрикивая Слово, которое имело власть открывать все замки и двери, сделанные человеком. Но эти стены, насыщенные ночью и именем своего строителя, не услышали Слова, и Слово вернулось к нему, эхом отозвалось в ушах и бросило Фестина на колени. Он замер, охватив голову руками, пока эхо гудело в каменных сводах где-то высоко высоко над ним. Потрясенный, он долго еще сидел в раздумьях.

Да, люди с разрушенных островов были правы. Волл — силен. Здесь, на своей территории, в зарыванном им самим подземелье, его магия отразит любую атаку, а без своей волшебной палочки Фестин вдвое слабее. Но даже очень сильный волшебник не сумеет отнять способностей, присущих только ему: возможности выходить из своей сущности и возможности перевоплощения. Потерев еще болевшую голову, Фестин подверг себя метаморфозе. Тихо и спокойно тело его расплылось облачком белого тумана. Лениво вытягиваясь, туман оторвался от пола и поплыл вверх, вертикально скользким стенам, чтобы, наконец, в месте, где стены смыкаются со сводами, найти тоненькую, как волос, щелочку. Туман вытек сквозь нее капля за каплей. Когда он почти весь выбрался наружу, в него, словно жар из печи, ударил горячий порыв ветра, раздувая туман на мельчайшие частицы и высушивая их. Туман быстро всосался обратно, движением по спирали опал вниз и там, тяжело колыхаясь, опустился на пол.

Процесс преобразования — это огромное эмоциональное потрясение для волшебников-интерверторов, к числу которых принадлежал Фестин. А когда к такому потрясению прибавится еще и угроза смерти в приобретенном образе, последствия часто бывают непредсказуемыми. Поэтому Фестин некоторое время лежал без движения и мучительно сознал свою оплошность. Попытка бегства в виде туманного облака была проигрышной изначально. Каждый идиот знает подобные штучки! Вероятнее всего, Волл заранее просчитал его возможности и приготовил горячий ветер,

Ф ФЕСТИН принял свой истинный облик и сел, грустно потирая разбитый локоть. Довольно этих штук на пустой желудок, решил он. Ему ужасно не хватало волшебной палочки, которая обеспечила бы достаточное количество пищи. Да, он мог без нее преобразиться, творить определенные чудеса, но был не в состоянии призвать к себе какой-либо неодушевленный предмет, типа молнии или лепешки из ячменя.

— Терпение! — сказал себе Фестин и, когда отдышался, превратил свое тело в беспредельно чистые летучие масла, до удивления напоминающие запах жарящейся лепешки из ячменя. Он еще раз проскользнул в щель. Большой Тролль, служитель Волла, стороживший Фестина, зазевался; волшебник превратился в сокола и упорхнул в окно. Тролль бросился за ним, промахнулся на полстола и зарычал могучим напоминающим камнепад голосом!

— Сокол! Хватайте сокола!

Взвизывая над зарывшимся замком и направляясь в сторону леса, темной грядой вырисовывающегося на западе, почти ослепленный солнечным светом и блеском морских волн, Фестин попал в струю попутного ветра и помчался как стрела. Но стрела еще более быстрая догнала его. Он вскрикнул и упал. Солнце, море и башни закружились и исчезли.

Он снова очнулся на дне сырого подземного ущелья. Руки, губы и волосы были мокры от его собственной крови. Стрела ранила его в крыло как сокола, в плечо — как человека. Боясь пошевелиться, Фестин наскоро прошептал заклинание, обезболивающее рану. Только тогда он смог сесть и приступить к более серьезной и занимающей много времени лечебной магии. С кровью уходила и сила. Фестин протерз до костей, даже лечебная магия не разогрела его. В глазах было темно, хотя он и высек неверный огонек и зажег огненный шарик из зловонного воздуха.

О новом бегстве не было и речи. Он безнадежно пережег себя. И теперь любой образ, принимаемый им, будет помечен пятнами слабости...

Он побежден!

Дрожа от холода, Фестин сидел на корточках и смотрел, как огненный шар стреляет пламенем в последнем дуновении метана — зловонного болотного газа.

Неожиданно всплыли в памяти его широкошумные родные леса, с тем особым запахом, когда по зеленой листве вдруг забарабанит нежданный крупный дождь, первый весенний ливень. И еще он вспомнил ручьи, быстрые, неуловимо несущиеся к морю. Ах, быть рыбой в одном из этих ручьев, сначала в верхнем течении, вблизи истоков, в лесу, — в тени деревьев, в чистой пойме под корнями ольхи. А потом плыть и плыть, неудержимо плыть к морю!

Но это потребовало бы могучей магии! А у Фестина в его положении было не больше возможностей, чем у человека в изгнании, в беде. Однако все, даже великие волшебники, только во сне испытывают чудо, каким является возвращение домой. Фестин чувствовал, как холод отступает, как крепнет и сверкает в темноте его тела решимость, как вступает в ход великая магия. Исчезли стены. Он очутился в земле, кости которой — скалы, гранитные жилы — кровь, корни растений — нервы. Как слепой червь, он буравил землю, медленно продвигаясь, земля была за ним и перед ним, была частью его самого. А потом он почувствовал вдоль спины и живота холод — милую, желанную ласку. Он начал пить... Пить воду, ее течение, а глазами, лишенными век, видеть глубокий коричневый омут между могучими искривленными корнями ольхи. Серебристый, он скользнул вперед, в тень. Он освободился! Он был дома!

В хрустальном источнике непрерывно звенела вода. Он лежал на песчаном дне омуты, позволяя течению более сильному, чем любые заживляющие чары, лечить рану и холодом своим вымывать ту леденитую стужу, которая владела им в подземелье. Как сквозь сон неожиданно Фестин услышал движение... Дрожала земля под тяжестью шагов. Кто ходит по лесу? По его лесу? Ему настолько надоело во что-либо преобразиться, что он скрыл свое поблескивающее тело форели под аркой могучего корня ольхи и ждал, затаявшись.

Грубо вытесанные серые пальцы ощупывали воду, поднимали со дна муть. Во мраке над водой маячили, иногда исчезая, размытые лица, пустые глаза. Сети и руки искали, промахивались, искали, снова промахивались, пока, наконец, не схватили и не подняли его, трепещущего, вверх. Фестин попытался вернуть обычный образ, но напрасно — его связали собственные чары возвращения домой. Он отчаянно извивался в сети, хватая сухой, ослепляющий, кошмарный воздух... и высыхал... неотвратимо высыхал. Ничто не доходило до него, кроме осознания этой муки!

О ЧНУЛСЯ он в человеческом облике, лицом к земле, на сыром полу подземелья, во власти своего преследователя. Лечебная магия не помогла, он снова ощущал холод. Плечо было как чужое, рука отнялась, малейшее движение отзывалось во всем теле острой болью. Неспособный к дальнейшим перевоплощениям, а значит и к борьбе, Фестин лежал без движения. Он думал: почему Волл меня не убил? Почему он держит меня здесь живым? Почему он всегда невидим? Какими глазами можно его разглядеть? По какой земле он ходит? Неужели он боится меня? Меня, у которого почти не осталось силы?

Все чародеи и силачи, взятые Воллом в плен, наверняка так же, как и он, Фестин, живут, заточенные в подземелье, и тратят годы на обдумывание способа побега, хотя спасти свою жизнь...

— А что, если отказаться от жизни?

И Фестин сделал выбор. Он не долго раздумывал. В последний раз он глубоко вздохнул и прошептал магическое Слово, которое произносится только раз. Он не изменился. Он только закрыл глаза: Это не было перевоплощение. Его тело так же лежало на холодной земле подвала, но стены исчезли. Исчезло подземелье, волшебный замок, вознесенный чародейской мощью Волла. Исчезли лес, море, вечернее небо. Все перестало существовать, и Фестин начал медленно скатываться по длинному склону бытия, осененному новыми звездами. При жизни он был одарен большой силой и сейчас не забыл об этом. Как огонек свечи, он продвигался в темноте обширной страны, все время высматривая своего врага.

— Волл!

Бессильный перед призывом, Волл появился — уплотненная бледная тень, — едва видимая в свете звезд. Когда Фестин подошел к нему, Волл шархнулся с криком в сторону, словно ошпаренный. Фестин поспешил за ним, наступая врагу на пятки. Долго длилась эта погоня — через затывшие озера лавы, через вершины молчащих холмов, через долины, поросшие короткой белой травой, через неосвещенные улицы городов, между домов, в окнах которых давно не было видно лиц. На небе висели звезды, которые не восходили и не заходили. Их не ждал новый день, их не ждала новая ночь. Фестин все время гнал Волла, пока они не добрались до места, где когда-то, очень давно, несла свои воды река живых. В ее высохшем ложе, среди камней, лежало мертвое тело — старое, иссохшее, пустыми глазами глядящее на звезды, которым неизвестна смерть.

— Войди в него! — приказал Фестин.

Волл-тень заскулил, сжался.

Фестин подходил ближе и ближе. Волл съежился, смик и вошел в открытые уста своего собственного мертвого тела. В ту же минуту труп исчез. Сухие камни без изъяна, без единого пятнышка блестили в свете звезд. Мгновение Фестин стоял на месте, а затем сел среди могучих скал, чтобы передохнуть. Отдохнуть и не спать, поскольку он должен дежурить, пока тело Волла, отосланное в могилу, не превратится в пыль, теряя злую мощь, пока ветры не развеют прах, а дожди не унесут его в море.

Он должен нести стражу, здесь, в этом месте, где когда-то смерть нашла дорогу в мир. Терпеливый, безгранично терпеливый, Фестин сидел среди валунов на берегу реки, которая больше никогда не будет рекой, в самом центре пустынной плоской земли, у которой никогда не было ни болот, ни лесов, ни ручьев, ни морского побережья... Звезды недвижно висели над ним, и когда он стал смотреть на них, то медленно, очень медленно, начал забывать шум дождя, который с радостью барабанил по листьям деревьев в лесах страны жизни.

ЛЕД И ПЛАМЯ

ПО МОТИВАМ ПОВЕСТИ
Р. БРАЗДБЕРИ

РИС. Т. ЗЛОКАЗОВОЙ

НОЧЬЮ РОДИЛСЯ СИМ. В ПЕРВЫЕ ЖЕ ЧАСЫ НАСЛЕДСТВЕННАЯ ПАМЯТЬ ЕМУ ПОДСКАЗАЛА ЧТО ТОЛЬКО 2 ЧАСА В ДЕНЬ ОН БУДЕТ ВИДЕТЬ ВОЮ - КОГДА НЕТ НЕСТЕРПИМОЙ ЖАРЫ ДНЯ И ХОЛОДА НОЧИ. И ВСЯ ЕГО ЖИЗНЬ, КАК У ЕГО РОДИТЕЛЕЙ, СЕСТРЫ, КАЖДОГО ИЗ ЕГО ПЛЕМЕНИ, ПРОЦАЛИТСЯ РОВНО 8 ДНЕЙ...

КОГДА-ТО, 10000 ДНЕЙ НАЗАД, ЕГО ПРЕДКИ ПРИЛЕТЕЛИ НА ЭТУ ПЛАНЕТУ И НЕ СМОГЛИ ВЕРНУТЬСЯ. СОЛНЕЧНАЯ РАДИАЦИЯ ИЗМЕНИЛА ИХ ЖИЗНЬ, УБЫСТРИЛА И УМЕНЬШИЛА ЕЕ.

МИНУЛ ДЕНЬ. РОДИТЕЛИ СИМА И ЕГО СЕСТРЫ ДАК УМЕРЛИ.

СИМ ПОС НА ГЛАЗАХ ОБРЕ- ТАЯ ПЕРВЫХ ДРУЗЕЙ И БРАТОВ.

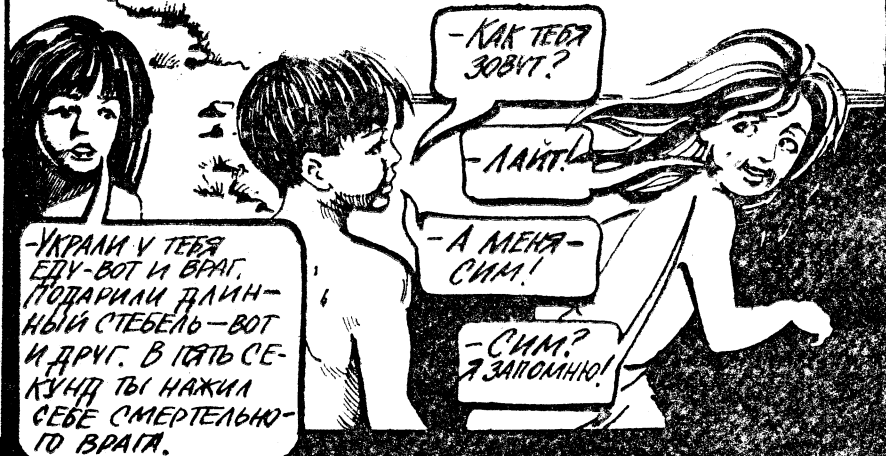

ДАК ПОСПЕКИМЛА РАЗЪЯТЬ ДЕРУЩИМАСЯ.

ЗАВТРА Я БУДУ ТАКОЙ БОЛЬШОЙ, ЧТО СМОГУ ТЕБЯ УБИТЬ. ЗАПОМНИ КАЙОНА, СИМ.

ДЯДЬКА УЧИЛА БРАТА ТОМУ, ЧТО
УЗНАЛА О ЖИЗНИ САМА.

- УКРАЛИ У ТЕБЯ
ЕДУ - ВОТ И БРАТ,
ПОДАРИЛИ ДЛИН-
НЫЙ СТЕБЕЛЬ - ВОТ
И ДРУГ. В ПЯТЬ СЕ-
КУНД ТЫ НАЖИЛ
СЕБЕ СМЕРТЕЛЬНО-
ГО ВРАГА.

- КАК ТЕБЯ
ЗОВУТ?

- ЛАЙТ!

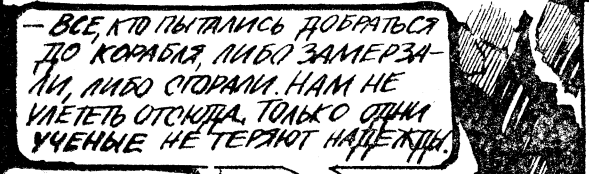
- А МЕНЯ -
СИМ!

- СИМ?
Я ЗАПОМНЮ!

- ЛАЙТ!
Я ТОЖЕ
ЗАПОМНЮ.

МИНУЛ ЕЩЕ ДЕНЬ. СИМ СТАЛ ЮНОШЕЙ. У НЕГО ПОЯВИЛАСЬ ЦЕЛЬ - УЛЕТЕТЬ НА ЕДИНСТ-
ВЕННОМ ОСТАВШЕМСЯ КОРАБЛЕ, ЧТОБЫ ПРОДЛИТЬ ЖИЗНЬ.

- ВСЕ, КТО ПЫТАЛИСЬ ДОБРАТЬСЯ
ДО КОРАБЛЯ, ЛИБО ЗАМЕРЗА-
ЛИ, ЛИБО СГОРАЛИ. НАМ НЕ
УЛЕТЕТЬ ОТКУДА, ТОЛЬКО ОДИН
УЧЕНЫЕ НЕ ТЕРЯЮТ НАДЕЖДЫ.

НАСТАЛ ЧАС УЧЕНИЯ.
НОЧЬ СИМ ПРО-
ВЕЛ В ШКОЛЕ,
СЛУШАЯ РЕЧИ
СТАРШИХ И
ГРЕЗА О РОД-
НОЙ ПЛАНЕТЕ.

- ДАК СИМ, ДЯДЬКА?

- Я НЕ ХОЧУ, ЧТО-
БЫ ТЫ УШЕЛ К
НИМ. НЕ ОБРЫ-
ВАЙ СВОЮ ЖИЗНЬ
В ПОГОНЕ ЗА
ЭТОЙ ШТУКОЙ
НА ГОРЕ!

СИМ ПРИШЕЛ В
ПЕЩЕРУ УЧЕНЫХ.

- ЧТО ТЕБЕ НУЖНО?

- ЖИТЬ!

- ВОТ УЖЕ 1000 ДНЕЙ,
КАК МЫ НЕ ПОЛУЧАЕМ
ПОПОЛНЕНИЯ ИЗВНЕ.
ЭТО ЧУДО, ЧТО ТЫ ПРИ-
ШЕЛ! ЗАВТРА Я УМРУ.
СКОРО ПРИДЕТ ТВОЯ
ОЧЕРЕДЬ РАБОТАТЬ, НО
ПРЕЖДЕ ПОДУМАЙ.
ЖИЗНЬ КОРОТКА. ЕСЛИ ТЫ
ОСТАНЕШЬСЯ, ВСЕ ТВОЕ
ВРЕМЯ УИДЕТ НА ТО ЧТОБЫ
ТРУДИТЬСЯ, СТАРИТЬСЯ И
УМЕРЕТЬ ЗА РАБОТОЙ.
С КАКОЙ СТАТИ ТЕБЕ
ПЕЧАЛИТЬСЯ О ТЕХ, КТО
ЕЩЕ НЕ РОДИЛСЯ?
ЕСЛИ ХОЧЕШЬ, СТУПАЙ.

- Я ОСТАЮСЬ!

ТРЕТИЙ ДЕНЬ ОСТАЛСЯ ПОЗАДИ. СИМ ВТЯНУЛСЯ В ЖИЗНЬ УЧЁНЫХ. ЛАЙТ СТАЛА СТАРШЕ И ЕЩЁ ПРЕКРАСНЕЕ.

- СИМ, КАЙОН ПРИШЕЛ ЗА ТОБОЙ!

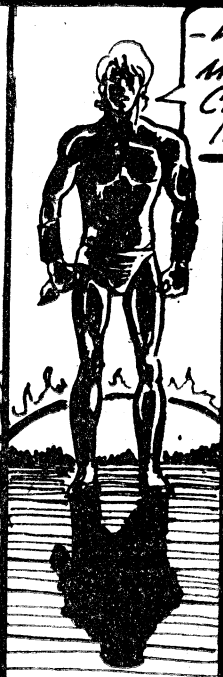
- МЫ ИДЕМ ВОЕВАТЬ. ЕСЛИ ПОБЕДИМ, ТО БУДЕМ ЖИТЬ В ДАЛЬНИХ СКАЛАХ; ОНИ ЛУЧШЕ ЗАЩИЩАЮТ ОТ РАДИАЦИИ! МЫ ПРОЖИВЕМ ВМЕСТО ВОСЬМИ ОДНАДЦАТЬ ДНЕЙ! ИГРЕШЬ С НАМИ, СИМ!

- Я ПОЙДУ. Я СМОГУ ОКАЗАТЬСЯ БЛИЖЕ К КОРАБЛУ. И У МЕНЯ В ЗАПАСЕ БУДЕТ 3 МАШИНАХ ДНЯ. ДРУГОГО ВЫБОРА НЕТ.

- Я ПОИДУ С ТОБОЙ.

Воспользовавшись суматохой,
Кайон решил
свести с Сима
счета.

- ИДЕМ СО
МНОЙ, ЛАЙТ.
СИМ УМРЕТ.
ПОШЛИ!

- ЕСЛИ ТЫ МЕ
НЯ ПОНЕСЕШЬ!

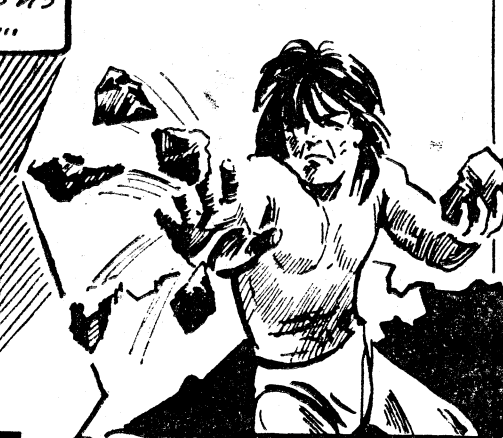
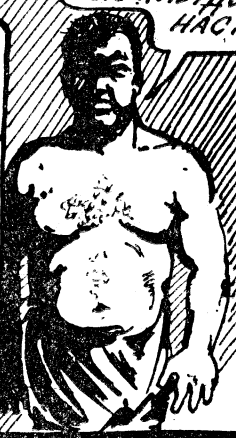

КАЙОН, ОСТАВИВ ЛАЙТ И
РАНЕНОГО СИМА, ВБЕЖАЛ,
СПЕША УКРЫТЬСЯ ОТ СОЛНЦА

- НАШЕ ОРУЖИЕ -
КАМНИ. КАМНИ И
СОЛНЦЕ УБЬЮТ
КОГО-НИБУДЬ ИЗ
НАС...

- ЭЙ! ВЫШЛИТЕ
БОЙЦА, КОТОРЫЙ
ГОТОВ ВОЕВАТЬ ЗА ПРА-
ВО НА СВОЮ ПЕЩЕРУ!
НЕУЖЕЛИ НИКТО НЕ
ЗАХОЧЕТ СРАЗИТЬСЯ
С КАЛЕКОЙ?!!

- ТЫ ПОВЕДИЛ,
СИМ. ПЕЩЕРА
НАША. МЫ ПРОЖИ-
ВЕМ ЛИШНИХ 3
ДНЯ. ХОЧЕШЬ
ИДТИ ДАЛЬШЕ?
Я С ТОБОЙ.

НАЧАЛО СМЕРКАТЬСЯ,
ХОЛОД ЕЩЕ НЕ СКОВАЛ ЗЕМЛЮ,
А СИМ И ЛАЙТ БЫЛИ УЖЕ
В ПУТИ.

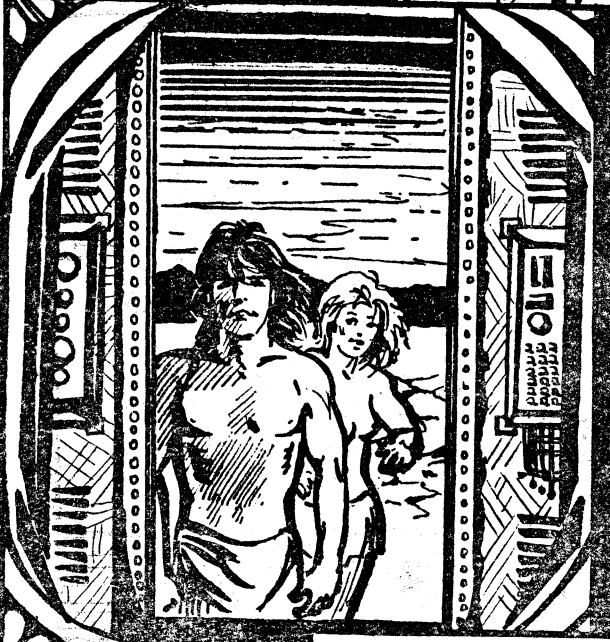
— НОВОЕ РУСЛО! КАЖ-
ДАЯ ДЕНЬ ДОЖДЕ ПРЖА-
ДЫВАЕТ НОВОЕ РУСЛО!
НАС ВЫНЕСЕТ К КОРАБЛЮ.

— КОРАБЛЬ / КОРАБЛЬ
СИМ. ЭТО ТА САМАЯ
ГОРА!

СМЕРНОЮ
ДОЗУ БЫСТРО
ПОДЪЕМА

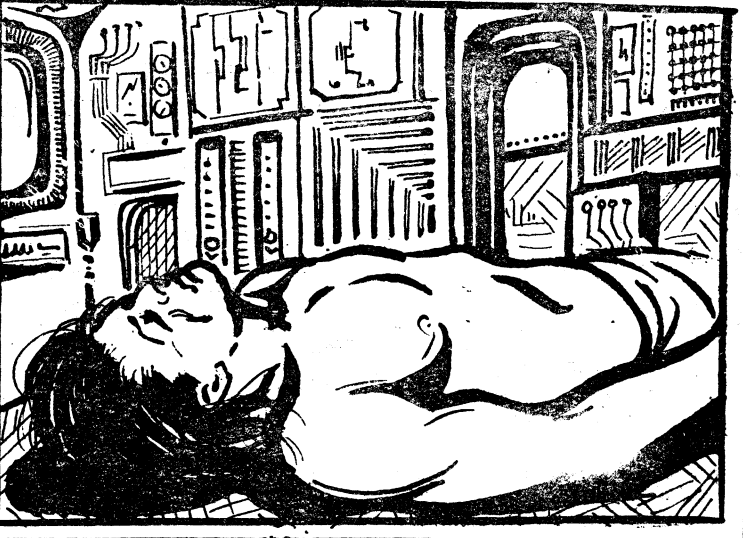

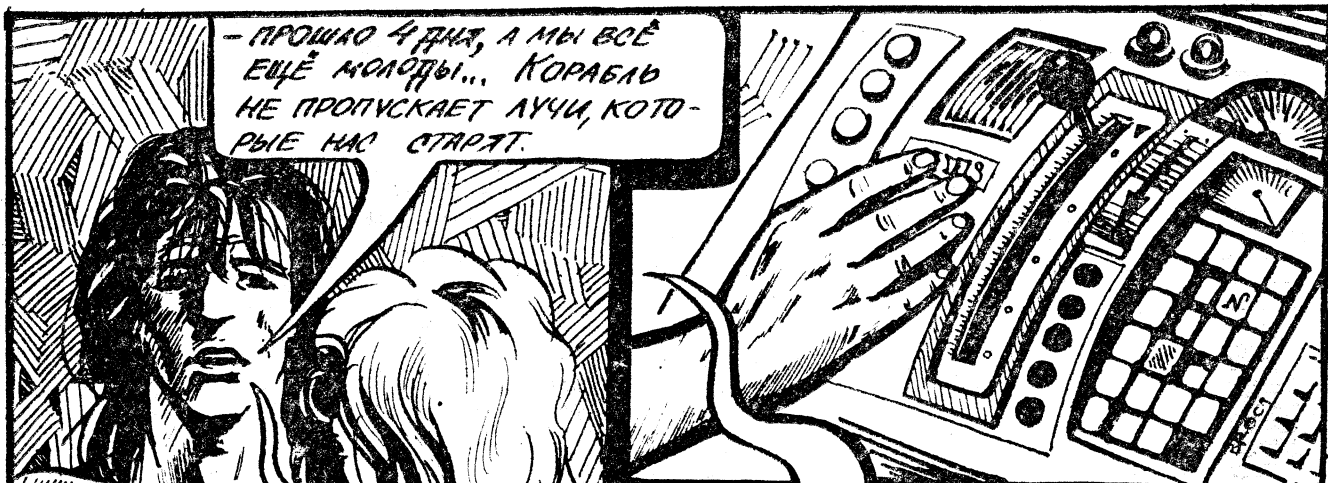
ВНУТРИ КОРАБЛЯ С НИМИ ЧТО-ТО ПРОИЗОШЛО. СЕРДЦЕ БИЛОСЬ ВСЕ МЕДЛЕННЕЕ. ЛАДЬ ПТЕРЯЛА СОЗНАНИЕ. СИМ ВСКОРЕ ТОЖЕ ВПАЛ В ПОЛНЗАБЫТИЕ.

ГЛЯДЯ НА ПРИБО-
РЫ, В КАКОМ-ТО
МЕДЛЕННОМ ПРО-
ЗРЕНИИ, СИМ ПО-
СТЕПЕННО ПОСТИГАЛ
ИХ НАЗНАЧЕНИЕ.
В МОЗГУ РОЖДАЛОСЬ
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
О ТОМ, КАК УСТРО-
ЕН КОРАБЛЬ...

.... А ВРЕМЯ ШЛО ....
ПОСТЕПЕННО СИЛЫ
НАЧАЛИ ВОЗВРАЩАТЬСЯ...
СА...

- ПРОШЛО 4 ДНЯ, А МЫ ВСЕ ЕЩЕ МОЛОДЫ... КОРАБЛЬ НЕ ПРОПУСКАЕТ ЛУЧИ, КОТОРЫЕ НАС СТАРЯТ.

- С ЭТОЙ МАШИНОЙ Я ПРОБЮ РУСО ДО СКАЛ, И МЫ СМОЖЕМ ВЕРНУТЬСЯ В КОРАБЛЬ!

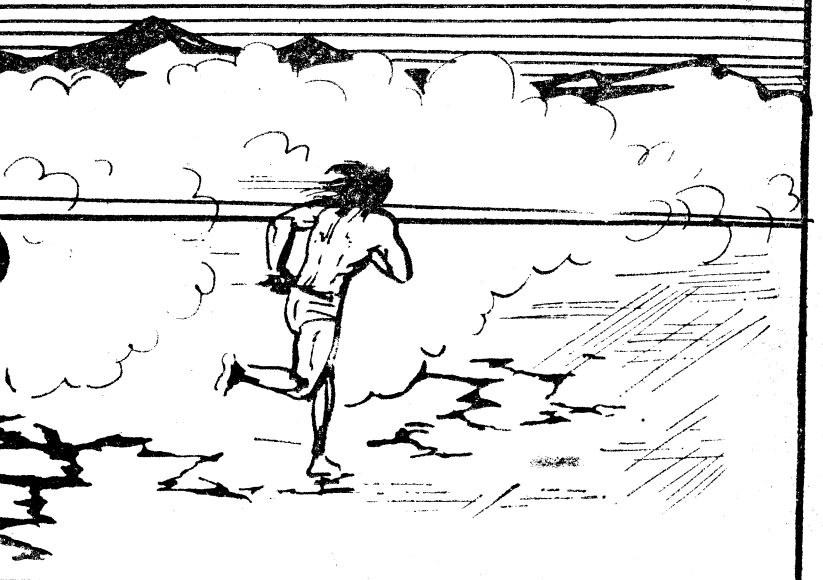
- ДАВАЙ ОСТАНЕМСЯ ЗДЕСЬ. ВСЕ, КОГО МЫ ЗНАЕМ, УЖЕ СТАРИКИ...

- Я ПОЙДУ И ПРИВЕДУ ЛЮДЕЙ. МЫ ПОЧИНИМ КОРАБЛЬ И ВЕРНЕМСЯ НА РОДИНУ.

ИЗРАЯ!

- Я НЕ МОГУ РИСКОВАТЬ ТВОЕЙ СУДЬБОЙ. ОСТАВАЙСЯ ЗДЕСЬ. Я ПОБЕГУ ВДОЛЬ ЛУЧА, ТЕПЛА ДЛЯ ЖИЗНИ ХВАТИТ. ЗАТО У МЕНЯ БУДЕТ ЛИШНИХ ПОЛЧАСА В ЗАПАСЕ - Я СМОГУ ОТПАВИТЬСЯ НОЧЬЮ...

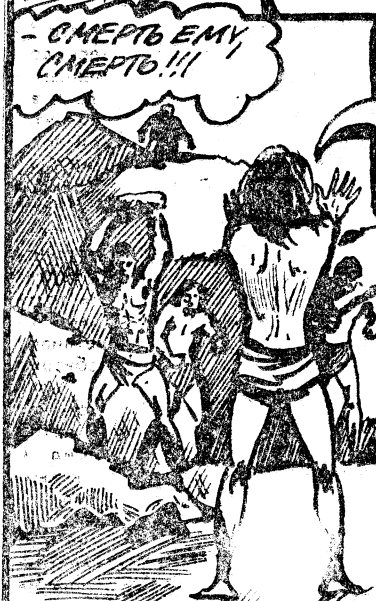

- Я ВЕРНУСЯ!
Я-СИМ!

- ГОНИТЕ ЕГО!
ОН ДО СИХ ПОР
МОЛОДОЙ! ОН ЖИЛ
В ЧУЖИХ СКИТАХ!
ПРЕДАТЕЛЬ!

- СИМ! СИМ, НЕУЖЕЛИ
ЭТО ТЫ? ТЫ МЕНЯ НЕ
УЗНАЕШЬ? О СИМ, ЭТО
ЖЕ Я, ДАК!

ДАК?!!

- СМЕРТЬ ЕМУ,
СМЕРТЬ!!!

- СТОЙТЕ! Я ПРИШЕЛ
С КОРАБЛЯ. Я ПРОДЛЮ
ВАШУ ЖИЗНЬ НА 20,
20,30 ДНЕЙ!
ИДЕМТЕ ЗА МНОЙ!

В ТУ НОЧЬ 200 ЧЕЛОВЕК
ТРОУЛИЛИСЬ В ПУТЬ ПО НОВО-
МУ РУСАВ.
ТОУ ЧЕЛОВЕК ВМЕСТЕ С СИМОМ
ДОБРАЛИСЬ ДО КОРАБЛЯ, ГДЕ
ИХ ЖДАЛА СМЕРТЬ.

... ШЛИ НЕДЕЛИ. ЛЮДИ
БНИКАМИ В УСТРОИСТ-
ВО ПРИБОРОВ...
И ВОТ НАСТУПИЛ ДЕНЬ
ОТВЕТА.

- МНЕ СНИЛСЯ СОН,
БУДТО Я ЖИЛ В
НЕЩЕБЕ НА СТУДЕ-
НОЙ И ЖАРКОЙ ПИМ
НЕТЕ, ГДЕ МОДИ
ЖИЛА И УМРА
ЛИ ЗА 8 ДНЕЙ...

- НЕЛЕПЫЙ СОН...
ЗАБУДЬ ПРО ЭТО.
СОН ТВОЙ КОМНИЛСЯ.

АЛЕКСАНДР ГРОМОВ

ТЕКДОНОТ

Сильный удар тупым носком ботинка сазлил его с четверенек на бок, и тотчас последовал еще один, заставивший захрипеть и скорчиться, — в солнечное сплетение. Били профессионально, но голову, живот и позвоночник не трогали, видно, был приказ не калечить, а ребра Пескавин прикрывал локтями. Спротивляться было бессмысленно, он это понял сразу, еще до того, как отобрали стилет. Бежать тоже не следовало: тот, третий, с кровавыми кроличьими глазами, что встал у выхода из коридора на стреме, не выпустит, а если все же случится чудо — и того хуже: найдут, еще как найдут, целых два дня здесь торчать. «Расположенный в одном из красивейших уголков Тверди, — всплывали в голове фразы из путеводителя, — и окруженный живописными вершинами, Заповедник в последние годы заслуженно приобрел славу наиболее посещаемого объекта всей планеты. Горные озера с чистой водой, альпийские луга и величественные горы, окружающие Ущелье, придают Заповеднику неповторимый колорит...»

Ему удалось откатиться к стене. Теперь эти двое мешали друг другу, удары пошли пореже и не такие сильные. Парни уже перестали шипеть при каждом ударе, как коты, и только посапывали. «Выдохлись, — злобно подумал Пескавин. — Да и хватит, пожалуй. Да и так все ясно, понял. Добродушное отеческое внушение: слушайся старших, не огорчай папу и маму».

Бить перестали. Он немного поворочался, покряхтел. Он неплохо изобразил в самом начале, что полали в пах, иначе бы не удовлетворились, добавили еще. Пескавин медленно поднялся на четверенки. Дальше подниматься не стоило: в конце внушения должен стоять жирный восклицательный знак. Ну, где он?

Пинок бросил его лицом на пол. Теперь можно и встать, ребятки получили полное педагогическое удовлетворение. Он помотал головой, разгоняя мусть перед глазами. Мусть раздвинулась, и из нее выплыли кроличьи глаза:

— Больше к мумиям не ходи. Понял?

Пескавин кивнул.

— Увидим еще раз — пеняй на себя. И еще: улетай сегодня же. Помой морду и уматывай. Деньги есть?

Пескавин сглотнул слюну, повеселил во рту языком — зубы целы, «восклицательный знак» пропал даром. Подавил желание ухмыльнуться.

— Какие там деньги. Билет есть. На послезавтра.

— Обменяй. Чтобы завтра тебя здесь не было. Хорошо понял?

— Угу, — Пескавин снова кивнул.

— Не слышу!

— Я хорошо понял, — поспешная фраза, запнувшись на вылете, прозвучала жалко. На всякий случай Пескавин громко хлопнул носом. Кажется, получилось убедительно. Провинция... Там, где его знали, приходилось играть со всей отдачей — здесь клевали и на халтуру в четверть силы.

Педагогов черти уже унесли куда-то. Красноглазый, шаркавая в фойе, соорудил рожу Пескавину и соорудил из пальцев бодливую козу. Пронесло.

Морщась от боли, Пескавин кое-как отряхнулся, оступал лицо — ничего, кроме вроде бы нет. Хоть сейчас иди через толпу к кассе менять билет — рыло как рыло, никто и не обернется. Он тихонько выругался. Черт, угораздило же! И без денег, и засветился, как последний ватрух! Ломтиками себя называют, пальчики ломают у мумий, а может, и не только у мумий.. явно не только. Местный прайд, ребята

серьезные, целкие, работают чисто, чужаков к пальчикам и близко не подпускают.

Он хорошо знал цену пальчикам. На Земле указательный и большой идут по триста, остальные — по стошке. А чтоб оправдать полет на эту самую Твердь (с экскурсиями и проживанием в туристском коттедже, оказавшемся вдруг дорогим отелем), их нужно четыре как минимум. Да еще горное снаряжение. «Сволочи эти ломтики, — подумал он не в первый раз. — Из-за четырех-то пальчиков!»

Где он сваял дурака, он и сам не понимал, и это было самое противное. А было так. Вчера, проплывав весь день в горах, он к вечеру одолел перевал в Ущелье Каменных Мумий. Все было тихо. Экскурсанты давно убрались, да и вообще в этот конец Ущелья мало кто заглядывал. Солнце уходило за горы, снег сделался серым, а выходы скальной породы чернели, как зевы пещер. Быстро темнело, времени было в обрез. Ему повезло сразу же. То ли здесь недавно расчищали, то ли снег подтаял и осел, но первая же мумия повергла его в шок. Позавчера ее здесь не было. Он напряг память. Точно не было. Такие долго не стоят. Их либо перетаскивают в начало экспозиции, под охрану, либо охрану опережают ломтики и тащат мумию через дальний перевал. На том перевале, по слухам, снег не успевает заносить россыли стреляных гильз, и среди куч брошенного барахла отчетливо виден остов боевой платформы, двести лет назад сбитой ракетой «земля-воздух».

Собственно, мумий было две. Женщина с ребенком на руках. Обе каменные, и одежда на них, та, что еще сохранилась, тоже каменная, ломкая, как старый целлулоид. Ишь ты, подивился тогда Пескавин, повернулась спиной к выходу из Ущелья, согнулась над ребеночком, загоразживая. Пескавин негромко рассмеялся. Такая удача ему и не снилась. Мать, защищающая дитя! Да за такой классический сюжет любой ненормальный коллекционер, а они все ненормальные, отвалит кусков пятьдесят и не вякнет! Это вам не пальчики отломанные, это вещь!

За негсадным визгом резака (нечего было и думать тащить через перевал весь монолит, взять хотя бы верхнюю половину с ребенком — и то килограммов пятьдесят) он не сразу услышал гул вертолета. А когда услышал, сделал все как надо: разбрасывая снаряжение, кинулся вверх по склону, обходя нависший снежный карниз, успел влезть и спустил лавину как раз тогда, когда из-за поворота Ущелья показались бортовые огни. Уже совсем стемнело. Укрывшись за гребнем, Пескавин наблюдал, как вертолет порывался туда-сюда, высматривая, потом завис, осветил прожектором сошедшую лавину с выброшенным на поверхность рюкзаком, не тронутой лавиной мумию, валявшийся рядом брошенный резак. Садиться не стал, повисел немного, разгнулся и унес свои огни туда, откуда прилетел. Мордам из охраны все было ясно. Спугнули шустро ломтика, ломтик кинулся бежать и угодил под лавину. Туда ему и дорога. Пескавин от души выматерился. Мумия уходила из-под носа, нечего было и думать к ней возвращаться. С вертолета ее тоже разглядели, того и гляди, вернутся со специалистами и оборудованием, выковырнут по всей науке из снега и перетащат в зону обозрения. Обидно. Он вернулся в отель, не догадываясь, что завтра утром его настойчиво пригласят в пустой коридор.

Вернувшись в свой номер, Пескавин первым делом обозрел себя в зеркало. Так и есть, всего лишь маленькая ссадина в верхней части лба, почти не заметно, но лучше будет

зачесать волосы на другую сторону. Вот так. Совсем другое лицо. Хм, а зачем оно нужно, другое лицо? Разве это рискнуть? Конечно, я для них теперь козявка раздавленная, медуза на берегу, им, гадам, и предположить такую наглость на ум не придет! Стой, дурак, сказал он себе. Тебя же пожалели! Они сами имели глаз на ту мумию, а ты и нагадил под носом, шкодник. Счастлив должен быть, что жив, светиться должен радостью, петь и плясать должен, если порядочный человек, а не сукин сын.

Он порылся во внутреннем кармане куртки, полный сверный предчувствий, вынул и развернул бумажник. Мало, ох, мало. Единственный пальчик, добытый на давешней экскурсии, да и тот мизинец. Теперь он был сломан, раскрошился на части от удара ботинком. Та-ак. Пескавин несколько раз сжал и разжал кулаки, потом облизнул пересохшие губы. Это Твердь, дружок, не что-нибудь, а когда на Тверди нанесли одиночные удары? Здесь не просто бьют, здесь добивают.

Сам же и виноват, нельзя было все надежды связывать с этой поездкой. Кто там сказал: светиться радостью? Рифмач, если будет в настроении, сощурится, зевнет в лицо всей пастью и под гыгыканье подпевал выдаст что-нибудь вроде: «Как поездочка, сынок, много денег приволок?» — и станет ясно, что теперь самое время начинать каяться, ползая на брюхе и плести несусветную ахиною. Занятие вполне бессмысленное, но ритуал, поучительный для многих. Долги надо отдавать, а как — никого не интересует. Хорошо, если какой-нибудь умник, из молодых и неотесанных, сунется подсказать Рифмачу рифму, а Рифмач этого терпеть не может и непременно возьмется насовать умнику в личность, а там, глядишь, и забудут на время злосчастного Пескавина. На время.

В кассе он обменял билет («Есть только на грузовой рейс, будете брать?») — «Еще как буду!», сгреб сдачу и огляделся. Глаза за ним вроде не было. Через фойе, направляясь к выходу, стадом шла большая группа экскурсантов. Последний шанс. Сейчас эта группа прощаркает ногами по скользкому мрамору, мимо касс, мимо автоматов с сувенирами, мимо двух скучающих сотрудников внутренней охраны и загрузится в туристский автобус, галдя и предчувствуя впечатления. И тогда шанса уже не будет, а будет нудное ожидание рейса, попытки склеить поломанный пальчик и долгий путь в тесной консервной банке, где, говорят, даже коек на всех не хватает, так и спят по очереди, как в подводной лодке. Пескавин отклеил лопатки от стены и, непроизвольно оглядываясь, направился к выходу. Кажется, все чисто. Никто не двинулся, а даже знакомый фэрцмейстер Детка, мелкий жучок по пальчикам из самых лопоухих, который и сегодня, как и всегда, торчал в дверях, выискивая клиентуру, но повернул головы в его сторону. «Обратно только перевалом», решил он, ввинчиваясь в толпу и уже подмигивая какой-то яркой девичке. — В крайнем случае, с другим автобусом, впри-тык к рейсу. И в гостиницу не совзаться».

Ему вдруг стало весело: он вспомнил, что забыл в номере почти весь остаток денег.

ТУРИСТСКИЙ автобус-многоножка припал на один бок, в разинутую дверь пропихивались экскурсанты: Пескавин забился на заднее сиденье. Группа как группа, ничего особенного, так, старички-путешественники. Да двое юнцов с мамашами. Последним пришел гид, крепкий малый с запущенной бородой, похожий на инструктора по альпинизму. Пескавин мысленно пририсовал ему моток веревки через плечо, молоток и набор крючьев у пояса. Тигр снегов! Слава богу, не тот, что был три дня назад, тот мог бы и вспомнить.

Многоножка медленно тронулась, и Пескавин рискнул отодвинуть занавеску на окне. Страх вдруг пропал сам собой. Видели его или не видели, теперь уже все равно. Неважно, что они подумают, когда спохватятся, а на космодроме будут ждать непременно, уйти не дадут и не ограничатся отеческим внушением.

— Эй! — раздалось сбоку, и его толкнули локтем. — Не туда смотришь. Привет!

— Привет! — он вздрогнул и обернулся, прежде чем успел сообразить, что лучше бы не оборачиваться и не отвечать. Рядом с ним сидела незнакомая девочка. Она была одета в ярко-оранжевую спортивную куртку с рыжими разводами. «Кто такая?», — подумал он с удивлением и вспомнил, что именно ей имел неосторожность подмигнуть. С ду-

ши немного отлегло.

— До тебя, я вижу, не достучишься, — сердито сказала девушка. — Мировая тоска, а? Так как же нам все-таки познаться, не подскажешь?

Непонятно было, что у нее ярче — куртка или волосы, еще сохранившие следы укладки в прическу, известную в определенных кругах под названием «не сомневайся». Пескавин откровенно жулькал глазами по ее фигуре, сначала сверху вниз, потом снизу вверх и еще раз так же. С девочкой все ясно, кроме одного: как таким удается просачиваться через въездной контроль нравственности?

— Меня зовут Теко, — сказал Пескавин. — Это прозвище.

— А меня Анна. Это имя.

— Ладно. Как тебе с ними? — он кивнул на экскурсантов.

— Отвратительно! — с готовностью отозвалась девушка. — Маленькие сыночки. Мамашам спасибо, что не дают ко мне им липнуть, а остальные — старые козлы. Воображают, что им здесь безумно интересно! Тьфу!

Пескавин рассмеялся и заметил, что смех получился немного нервный. Нет, что за бред, подумал он. Чего ради ломтикам подсаживать ко мне эту птаху?

— А не круто ты их?

— Не круто, — отрезала Анна. — Ты их только послушай.

Слушать было особенно нечего. На провожатого сыпались вопросы, которые гидам приходится выслушивать раз по двести за смену, и ничего — выслушивать и отвечать.

— Ты права, — он поглядел ее по руке.

— Убери лапы, — сказала Анна.

— Это почему? — Пескавин усмехнулся и потянул ее к себе. — Я, кажется, не старый козел и не маленький сынок. Тебя это не радует?

Тут что-то не так. Она сопротивлялась, что само по себе еще не было удивительно — встречается и такое, — но сопротивлялась бесшумно, стараясь не привлечь постороннего внимания. Пескавин быстро провел рукой по карманам рыжей куртки. Анна тихоно охнула.

— Так и знал, — он откинулся на спинку кресла. — Дай-ка мне сюда свое железо.

— Возьми.

Он покопался в ее кармане дольше, чем нужно, чувствуя пальцами теплоту и упругость молодого тела. Затем извлек наружу маленький никелированный молоточек.

— Между прочим, — сказал он наставительно. — ты утверждаешь дурной тон. Пальчики мумиям ломают руками. Вот так. Отсюда и ломтики.

— Пусти, больно!

Пескавин выпустил ее руку и, нагнувшись, сунул молоточек под сиденье, в пыль и мусор.

— И вправду больно? — поинтересовался он. — А ты не боишься, что я наступю кому следует?

— А ты?

Умница, подумал Пескавин. Знать бы еще, как с этой умницей обращаться. Не у себя в номере — там-то ясно, — а здесь, сейчас? Девочка что надо, стильная, буду иметь ее в виду, когда вернемся... Но он вдруг вспомнил, как к нему предстоит возвращаться, и помрачнел.

— Я сразу усекала, что ты «заяц», — продолжала болтать Анна. — В нашей группе я всех знаю! Радуйся, что я не завопила, когда ты меня лапал. Кстати, почему тебя зовут Теко?

— Текодонт. Маленький пряткий ящер. Сигарету хочешь?

— Здесь нельзя курить.

— Правильно. И кроме того, у меня нет сигарет.

Она улыбнулась. Нет, с ней сидеть — как голому в витрине. И так уж старые пни все шеи себе отвертели: с кем это шушукается их красотка? Когда автобус пойдет обратно, могут заметить, что не хватает одного человека. Хотя... Ничего. Поломают головы и плюнут.

Он зачем-то кивнул и стал смотреть в окно. Дорога круто поднималась вдоль левого склона ущелья, а правый склон был рядом и так же крут и заснежен, как левый. По дну ущелья бежала переплюнная речка. Многоножка, как это бывает с автономными биомеханизмами, избрала себе путь по самой кромке обрыва — пассажиры, сидящие справа, хватались за сердце. Пескавин смотрел вниз. Он плохо помнил дорогу: на прошлой, «штатной», экскурсии было не до того, будто предчувствовал неудачу. А еще раньше, задолго до Заповедника, когда дорога по причине своего отсутствия не портила ландшафт, хотя бы очень пригодилась, когда шли

по тропе, протоптанной теми, кто брел впереди, никому не приходило в голову думать о том, что придется возвращаться сюда.

Стоп, назад! Пескавин закурил губу. Об этом лучше забыть, если решил вернуться живым и с удачей. Из памяти выплывает больше, чем хотелось бы, и тогда ничего не получится. Перед работой лучше думать о девках. Можно и о Рифмаче, чтобы быть злее. Или о ломтиках, чтобы быть осгорожане. И ведь не так трудно затереть часть памяти, маленький кусочек, и не дорого вовсе: сотню за процедуру, мнемоеператору в лапу, чтобы не болтал, — всегда можно наскрести, даже сейчас. Черта с два я на это соглашусь, подумал он с раздражением и вдруг почувствовал на себе взгляд Анны.

— Теко, — прошептала она. — Красивое имя. Те-ко. Текодонт — это плохо, что-то громоздкое. Ты бывал раньше на Тверди?

— Да, давно. Успокойся, не наследил. Здесь за мной все чисто.

Горячие пальцы ласкали его ладонь. Кто-то спереди опять обернулся на них, и Пескавин почувствовал, что гид у него, должно быть, глупейший. Бревно, дерево деревянное. Нет, деды не одобряют. Девушка ждет — вся внимание, — а он, видите ли, никак не соизволит!

— Ты еще не сказал, что мы будем делать сегодня вечером, — настойчиво проговорила Анна.

— Разбежимся, — сказал Пескавин. — И чем быстрее будем бежать, тем лучше. В разные стороны.

— Я думала, у тебя есть другие идеи, — сказала Анна. — Или я тебя совсем не интересую как женщина?

Фу, как прямолинейно, подумал Пескавин. Халтурно, в лоб! Тройка с минусом. Хотя, если подумать, ни на что другое уже нет времени, девчонка торопится.

— Как кто? — оттягивая время, переспросил Пескавин. В нем просыпался сарказм и жажда поиздеваться над неопытной добытчицей пальчиков. — Как женщина? Это как? Я что-то не понял.

— Барахло... — Анна встряхнула копной рыжих волос. — Ну, хорошо, — медленно сказала она. — Тогда скажи: как девка, я тебя привлекую?

Пескавин честно кивнул и почувствовал, что она придвинулась к нему вплотную. По телу прошли сладкие токи и погасли. Он знал, что она сейчас скажет. Девчонку было пора ставить на место.

— Теко, — как-то по-особому сказала Анна и трогательно замаялась. — Я... то есть... Ты ведь мне поможешь, верно?

— Нет, — быстро ответил Пескавин.

Взмах огромных ресниц, огненная волна поверх головы.

— Ты хочешь сказать, что... Нет, ты погоди...

— Я хочу сказать: нет. Не помогу.

Она убрала руку и отодвинулась. Салон качнуло. Многоножка по-крабьи переваливалась через валун. Нет, девчонке многого хочется, усмехнулся про себя Пескавин. Здесь она не найдет желающих подставяться из-за ее красивых глазок, эта прыть просто от незнания. Теперь не штрафуют, теперь любителям сувениров светит каторга, и охране не возбраняется прозавбавиться с пойманным мародером, сколько хватит фантазии. И охрану недавно усилили — в который уже раз. Так-то, девчонка. А цену одного пальчика где-нибудь на Земле или, скажем, на Хляби, ты знаешь? Полагаешь, озолотят? Да у нас Рифмач больше даст тому, кто на его глазах под комментарий каким-нибудь анапестом сожрет собственное дерьмо...

— ...Жемчужиной Заповедника по праву считается открытое менее десяти лет назад Ущелье Каменных Мумий, уникальное образование, воочию представляющее потрясенному взгляду окно в мир безжалостного прошлого. Дорога, ведущая в Ущелье, окруженная первозданной дикой красотой гор, как бы готовит туристов к тому, что им предстоит увидеть... — бубнил гид заученное из путеводителя.

Если она из охраны, то в Ущелье тем более не отлипнет, размышлял Пескавин. Только она не из охраны. Слишком уж бредово, до того бредово, что даже остроумно, на них не похоже, да и не могут же они внедрять подсадку в каждую группу! Нет, девчонка, ты самая настоящая «не сомневайся», не так уж и плохо, а если подумать — просто подарок судьбы, и отлипнуть я тебе сам не дам. У девчонки неприятности, девчонка землю роет, только комья летят, и о том, что явно никак о понятия. Выкупиться хочет, что-ни

Он поглядел на нее почти с нежностью. А вот чего ты, дорогая, еще не поняла, — так это того, что ты мне понадобишься, и еще того, зачем ты мне понадобишься. Но ты поймешь. Когда двое утопающих ищут соломинку, они хватаются друг за друга.

— Знаешь что, прыткий ящер, — сказала вдруг Анна. — Не хочешь помочь — не мешай. У тебя свое дело, у меня свое. Понял, прыткий? Верни молоток и не шурши на дупорел!

Пескавин вздохнул. Поиск по внутренним карманам, он вынул мятый рекламный проспект и бросил Анне на колени.

— Читала?

— Да.

— Плохо читала. Смотри здесь: «Внутренняя охрана Заповедника надежно обеспечивает безопасность посетителей и сохранность уникальной экспозиции под открытым небом. Особые полномочия сотрудников охраны позволяют решительно и эффективно пресекать попытки мародерства...»: Ну и так далее. На практике это, например, значит, что первый попавшийся охранник может без долгих разговоров тебя обыскать и будет прав. Сказано же: решительно и эффективно. Так вернуть молоток? — Пескавин улыбнулся.

— Оставь себе, — она откинулась на спинку кресла и закрыла глаза.

Восьмой километр в том месте, где в сторону ничем не примечательного бокового ущелья отвечивалась скверная грунтовая дорога, был украшен большим щитом с надписью:

**О С Т О Р О Ж Н О!!!
ЛАВИНООПАСНЫЙ УЧАСТОК!**

НЕ ШУМЕТЬ, НЕ РАЗГОВАРИВАТЬ ГРОМКО!

НЕ ДЕЛАТЬ НЕОБДУМАННЫХ И РЕЗКИХ ДВИЖЕНИЙ!

Многоножка, свернув на грунтовку, остановилась. Чувствовалось, что она не доверяет этой дороге: некоторые из лап осторожно ощупывали кромку обрыва. С шумом сорвался и загрохотал вниз камень.

— Приехали, — пояснил гид и откашлялся, отчего его занудный голос вдруг стал мужественным. — Итак, добро пожаловать в Ущелье Каменных Мумий. До цели не более пяти-шести шагов. Прошу выходить за мной.

Многоножка вжала в себя лапы и встала на брюхо. Тридцать пять экскурсантов затолпились на выход. Выскользнув на раскисший снег, Пескавин протолкался за чужие спины. Гид пошевелил бородой, вызвав смех юнцов, и указал на щит. На его лице была написана решимость ознакомить с текстом всех присутствующих. Мамаши юнцов, изображая внимание, тянули шеи.

За поворотом скальный карниз сузилась. Слева поднималась каменная стена, не настолько, впрочем, крутая, чтобы нельзя было рассмотреть нависшую снежную лавину; справа был обрыв и снежный завал на дне ущелья. Посреди дороги торчала гнутая металлическая вешка, и сама дорога превращалась в тропинку, протоптанную в плотном лежалом снегу. Еще одна вешка — и тоже гнутая, словно в самом деле побывала под лавиной — маячила шагах в ста впереди, обозначая конец опасного участка.

Здесь предстояло идти поодиночке. Гид, весь подобранный и ставший теперь окончательно похожим на покорителя снежных вершин, вдохновенно вещал о коварстве гор и мерах безопасности. Пескавин тайком зевнул. Все это он уже слышал в прошлый раз, слово в слово, и даже ободряющая улыбочка под занавес, чтобы у напуганных экскурсантов не очень тряслись колени, была точно такая же. Спектакль, мысленно усмехнулся Пескавин, цирк, щекотка для нервов, чтобы каждый старый гриб впоследствии мог рассказывать, как он шел под готовой сорваться лавиной и что при этом ощущал, а слушатели смотрели ему в рот и гордились знакомством с первопроходцем. Как же, за тем и приехали, деньги потратили. Все должно быть чин-чином. И побольше романтики! Что с того, что ее сроду не было здесь?

Тропа полого пошла вниз. Повстречали группу, идущую навстречу, и гид раскланялся с коллегой. Еще один поворот — и скальные стены раздвинулись, Анна демонстративно забежала вперед и теперь, должно быть, с удивлением рассматривала дно Ущелья — неровное снежное поле, стиснутое скалами, вывалившимися на снег серые языки подтаявших ледников. Сейчас она увидит и остальное. Пескавин отвернулся. Этот ракурс считается великолепным: в поле зрения

не менее трехсот неподвижных фигур — но именно отсюда смотреть на них нельзя. Отсюда мумия не человек, а деталь ландшафта. Он вдруг понял, что тот первый, кто придумал устроить в Ущелье музей под открытым небом, был осенен этой идеей именно здесь. Удобное место: можно принять решение, а потом спуститься, осмотреть мумии и удостовериться, что перед тобой не люди, а лишь музейные экспонаты.

Тропа расширилась. Мумии были рядом.

— Мы у цели, — торжественно провозгласил гид. — Перед вами единственный во Вселенной Заповедник Каменных Мумий. Равнодушный и Осмотрительный призествуют вас!

И никто не спросил, кто такие Равнодушный и Осмотрительный.

— О, господи! — вырвалось у кого-то из женщин. — Что же здесь было?

Гид сдержал улыбку. Его избавили от необходимости спровоцировать этот вопрос. Мало кто не знает о том, что здесь было, но гид обязан рассказать всем. Рассказать, например, о том, как Правительственные Советы обеих колоний одновременно получили приказ открыть боевые действия. Или взять низкий старт и начать с того, как давным-давно люди заселили планету, похожую на Землю, и дали ей имя Твердь. А что такое война, они знали и раньше.

— О, господи!

«Меньше пяти и брать не стоит, — думал Пескавин, не слушая гида, пустившегося многословно и не без пафоса излагать хронику событий духотлетней давности. — Нет, меньше нельзя. А лучше сразу кисть или ступню, но тогда придется взять еще хотя бы один пальчик на мелкие расходы».

Он отыскал в толпе рыжую куртку. Анна во все глаза смотрела на мумии, только раз она мельком взглянула в его сторону, и в ее взгляде почему-то не было ни насмешки, ни презрения, как он ожидал увидеть, а было что-то малодоступное понимание, и теперь стало ясно, что она в Ущелье действительно первый раз.

— У нас в экспозиции около тысячи мумий, — гид обвел рукой Ущелье. — И вероятно, под снегом не меньше. Вообще, считается, что к моменту атаки здесь находилось от трех до пяти тысяч беженцев. Женщины, дети. Все они шли к дальнему перевалу. Трудно сказать, удалось ли кому-нибудь из них его перейти.

Первая мумия стояла к экскурсантам спиной, чуть отклонившись назад, будто задумавшись, широко расставив ноги, до колен ушедшие в снег. Руки были заложены за спину, подбородок высоко поднят, остекленевший взгляд без всякого выражения направлен вперед и вверх.

— Это Равнодушный, — гид по-приятельски похлопал мумию по плечу. — Обратите внимание: он смотрит туда, где, по нашим расчетам, должна была заисчнуть боевая платформа. Может быть, он даже успел увидеть, как ее сбили. Но было поздно: растр летаргатора успел нащупать Ущелье.

Экскурсанты обступили мумию. Один юнец потрогал пальцем окаменевшую одежду.

— Нам повезло, что луч только скользнул по Ущелью, — продолжал гид, скривив глаза на амикошенствующего мальчишку. Тот сконфуженно убрал палец и запустил его в нос. — При большей дозе облучения мумии в скором времени рассыпались бы в пыль — именно поэтому их не находят на местах боев. В проблемном институте при Заповеднике, — гид указал на прилепившееся к скале вычурное зданье, — не исключают и возможного воздействия своеобразных местных условий. Нельзя утверждать наверняка, но во всяком случае, эксперименты на животных с резонансными летаргаторами тех времен не дали даже близких результатов. Потому что...

Пескавин скучал. Сейчас этот трепач по должности еще разок другой напомнит об уникальности, потом поведет группу к расщелине где, укрывшись за салуном, скорчился Осмотрительный. Вот у того взгляд впечатляет: испуг, мольба и надежда одновременно, и если посмотреть с трех разных точек, можно увидеть все три выражения в отдельности. Трехликий Шива. И, между прочим, на руке, вцепившейся в камень, не хватает двух пальчиков. Дальше будут знаменитые Близнецы, затем Командор, Недоумевающая, дальние группа детских фигур, потом Дерзиш на одной ноге, подерживаемый подпорками. Обязательная часть экскурсии. Каждый должен проникнуться величием трагедии.

А не было здесь никакого величия! Трагедия была, а величия не было, не случилось. Пескавин отвернулся и выцедил себе под ноги длинный плевок.

Кто-то взял его за руку, Анна.

— Тихо, — зашептала она. — Теко, я тебя прошу... Нет, не то, так ты не станешь... Я не думала, что они такие, думала: мумии — и все. Они как живые, понимаешь? Я, наверное, не смогу сама. Ты ведь мне поможешь, Теко? — она нервно теребила его рукав. Он молчал. — Теко, ведь я же не смогу. Ты видел его? Вот я подойду к нему и начну делать это... Ведь ему будет больно, я понимаю, что это все чушь, но что мне с собой, душой, делать, ведь они же, правда, как живые...

— Они и есть живые, — сказал Пескавин. — Я не занимаюсь гробокопательством. Они спят. Говорят даже, будто они иногда двигаются, но это вряд ли. И они чувствуют, когда им ломают пальцы, но чувствуют не то, что чувствуем мы, и не так, как чувствуем мы. Я знаю.

— Это правда? — Анна нервно вздрагивала.

— Да. Для меня они живые, мне так проще. Не могу себе представить, что ломаю пальцы у мертвецов.

— Вот оно что, — Анна ступила на шаг и прищурилась. — Теперь я понимаю, почему тебя зовут Теко. Ну что, идем, ящер?

Как просто все решилось, подумал Пескавин. И так, как я хотел, теперь шансы удвоились, и я знаю, что выберусь. Но радости от этого нет. Ущелье давит.

— Не суетись, — пробурчал он. — Скоро нас выпустят на вольный выгул, и тогда времени будет хоть отбавляй.

В ПЕРЕДИ в тумане замаячило что-то темное. Пескавин, поняв, что это мумия, обошел ее кругом, с трудом выдирая ноги из глубокого снега, и неожиданно вышел на протоптанную тропинку. Он и не заметил, откуда напал туман, ему показалось, что воздух вдруг сгустился и помутнел сразу во всем Ущелье. Туман был не белый, как молоко, а синий и слоистый, как отстоявшийся табачный дым. «Ущелье Туманов», — мысленно произносил Пескавин. — Оно так и называлось, теперь я вспомнил. Тогда тоже был туман, в тумане брели к перевалу измученные люди, их не было видно, но их было очень много, и все они были обыкновенными беженцами пятого года войны, тихими, привыкшими к своим и чужим страданиям. А потом туман рассеялся, и люди, поднявшие кверху серые лица, чтобы увидеть солнце, увидели зависший над Ущельем черный прямоугольник боевой платформы...».

Он остановился, определяя направление. Они шли уже долго, экскурсанты остались позади, вокруг не было никого, и, кажется, скоро должен был показаться второй пост охраны, но его мешал разглядывать туман. Еще немного, решил Пескавин. Пусть я их увижу. Не тайком — именно так и попадаются, — а нагло, почти на глазах, так будет надежнее. А туман-то, кажется, редет...

Он опять потерял тропинку и, продавив толстый наст, завяз по колено в снегу и беззлбно выругался. Анна догнала и встала рядом, наст под ней не проваливался, даже не трещал, и Пескавин с удовольствием оглядел ее фигуру.

— Хорошая у тебя куртка, — сказал он весело. — Слепой заметит. Хочешь, чтобы нас засекли?

— У меня свои правила, — огрызнулась Анна.

— Не суетись. Если засекут, постарайся мне подыгрывать. Можешь даже визжать, если нравится.

— Ты что затеял? — насторожилась Анна.

— Развлечение для охраны. Мы оба ненормальные, из тех ненормальных, что мечтают уединиться в самом экзотическом месте, иначе им пресно. Теперь дошло?

— Дошло. А охрана?

— Пусть лучше любят нас, чем обыскивают.

— Кретин! — сказала Анна. — Давай двигай.

Сизый туман, слоясь, тек им навстречу и редел, а вокруг стояли мумии с подпорками и без подпорок, сидели и лежали. Здесь давно не расчищали, и лежащие тянули из своих сугробов руки с растопыренными пальцами. Туман неторопливо обтекал эти руки, словно желая укутать их и тут же раздумывал. Снова началось подьем и стало жарко.

«Что они искали за тем перевалом? Жизнь? Они разучились жить, научившись спасаться. Это уже не жизнь, если тебя не ищут, чтобы убить, это уже праздник. Что-то ведь мерцало им по ту сторону. Они шли и шли, качаясь, как привиде-

ния, они устали физически и устали бояться своего страха. Они уже тогда были мумиями, среди них еще попадались Осмотрительные, но куда больше было Равнодушных — этих не скрючил ужас при виде платформы, вряд ли они даже удивились ее появлению, а если удивились, то только тому, что они еще живы, в то время как луч летаргатора уже гулял по Ущелью...»

Пескавин остановился и подождал Анну.

— Мумия? — часто дыша, спросила она.

— Будка. Это и есть второй пост. Там один охранник, и он нас видит, если не пьян. Ага, вот вышел, мордovorot. Видишь?

— Да. То есть, нет, не вижу.

— Неважно. Где-то здесь еще двое, их мы проглядели. Но здесь им делать нечего, это служебный проступок — собираться строем в будке, — он хохотнул. — Так что работать буду здесь.

— А как же... — Анна смотрела во все глаза то на Пескавина, то на темное пятно будки, рядом с которым в редоющем тумане проявлялась, как на фотобумаге, смутная фигура охранника.

— Пяток пальчиков тебе, надеюсь, хватит? — спросил Пескавин. Анна кивнула. Он порылся в карманах, достал несколько бумажек и мелочь. Отстегнул от запястья браслет.

— На. Добавь своих, пойдешь вон к той морде и попробуй продать пальчик. Сувенир на память. Заговоришь ему зубы, не мне тебя учить, как это делается. Канючь, кокетничай, что хочешь, делай, хоть отдайся ему на снег, но десять минут мне обещать. Ясно?

Она кивнула.

— Так что, мне идти?

— Постой, — сказал Пескавин. — В автобус я не вернусь. Будешь ждать меня на космодроме, возле касс, а будет шухер — жди на смотровой площадке. Я тебя найду. Поняла?

Анна в нерешительности переминалась с ноги на ногу, и Пескавин понял, о чем она сейчас спросит. На душе стало пакостно.

— Теко, — сказала она. — А ты меня не обманешь?

— Успокойся, — он заставил себя бодро улыбнуться и проглотил комочек. — Иди и делай дело.

Она прошла немного и обернулась. Он успокаивающе кивнул, и тогда она пошла решительно, все быстрее тая в тумане. Сейчас охранник заметит ее, и заметит не инфракрасной оптикой — а глазами, глаза у него выплутятся. Прощай, девочка, с тоской подумал Пескавин. Ничего не подлаешь, так уж получается. Если выберусь и если ломтики не ждут на космодроме, тогда — может быть... Но это уже два «если». Хватило бы и одного. Прощай, девочка.

ТУМАН почти пропал, зато пошел снег, крупный и липкий, хлопьями, тающий на лице и заползающий за воротник. Пескавин отряхнулся. Он был один. Сначала, оглядываясь, он еще видел темное пятно, знал, это будка и выверял по ней направление. Потом будки не стало, тем более нельзя было рассмотреть, чем там заняты Анна и охранник. Хотя можно представить. Он представил и смачно сплюнул. Ведь тварь, sentimentalная «не сомневайся» — и больше ничего; пальчики, видите ли, сама сломать не может, так почему я должен казаться себе таким подлецом?

Он осмотрелся. Как назло полезли всякие мысли. Место незнакомое, не шел я здесь, сказал себе Пескавин, и вообще здесь никто не шел, ни одной мумии нет на этом уклоне. Помоему, там, дальше, под снегом каменная осыпь, помню, мы обходили какие-то камни, и еще был водопад, а он у самого перевала. Где-то там должен стоять я, подумал он тоскливо. Значит, мы почти дошли. Я и мама. Мне исполнилось шесть лет, и мама обещала мне подарок ко дню рождения, но в тот день привезли папу, и мама сидела какая-то чужая, а я смотрел исподлобья и с недоверием, потому что знал точно, папа воюет, управляет машиной, стреляющей по ракетам, что падают по ночам, а раз управляет, то никак не может быть в этом глупом железном ящике. Соседки утешали маму и говорили, что маме еще повезло, другим посылают просто землю, но я их не слушал, потому что уже знал твердо: папы там быть не может, с чего бы папе лезть в этот ящик? И я восторженно запрыгал, крича: «Сколько у нас гостей, как здорово!». А мама вдруг ударила меня по затылку, закричала, забилась об этот ящик, и я тоже заревел, сначала от подзатыльника, а потом от страха за маму. Но я все равно знал,

что папа жив, ведь в эту ночь не упало ни одной ракеты, и я показывал язык соседкам, смотрящим на меня кто гневно, а кто с жалостью. Вот вам! Вот папа научит меня стрелять по ракетам, и тогда уж точно ни одна не свалится на ваши глупые головы... А через неделю всем пришлось уходить, потому что на город упали целых три ракеты, и вокруг говорили, что теперь в городе жить нельзя, а надо уходить. И мы шли вместе со всеми, мама катил тележку с вещами, а я с радостью скакал впереди, пока не устал, и тогда мама посадила меня на тележку поверх вещей, но уже в Ущелье у тележки отскочило колесо, и ее пришлось бросить. И еще тогда я очень устал и хныкал, но мама не давала мне отдохнуть и гозорила, что нужно спешить, а вокруг все действительно спешили, многие обгоняли нас с мамой, и лица у людей были серые...

Впереди зачернели пятна, и Пескавин понял, что вышел правильно. Здесь было скопление мумий, в погожие дни экскурсантов доводили до этого места. Здесь нетрудно было встать так, чтобы мумии загородили от любого глаза, от любой оптики, которой охрана просвечивает Ущелье, а потом к перевалу, к перевалу!

Вот она!

Он остановился как вкопанный. Она! Старая знакомая, склонившаяся над ребенком. Вот они ее куда! К входу не потащили, оставили туристам на десерт. Он обшел мумию кругом. След от резака, забытый снегом, выглядел как белый шрам.

Ей хотелось распластаться, защитить, закрыть собой ребенка в проснувшейся вдруг острой надежде, что это удастся. Немолодая уже, изможденная женщина. Может, бабушка? Нет, наверное, все-таки мать. Поздний ребенок, долгожданый, единственный. Здоровый обормот, мог бы идти и сам, а не виснуть на шее матери. Сколько этому лентяю — лет шесть? А если...

По спине пробежал озноб. Нет, чепуха, не может быть. Пескавин деревянно шагнул вперед. Не может быть, подумал он вслух. Это не я. Пальцы, пальчики проверить... Если все целы — тогда не я, кто-то другой и держит его другая женщина. А если нет... Он вспомнил зудящий виг и, холодея, смахнул с мумии снег.

На детских ручонках, обвивших материнскую шею, было по пять пальцев. Пескавин шумно выдохнул воздух и весело выругался. Пентюх, бырышня! Мерещится ему, поверил! Экскурсанты вон тоже верят, но по-умному, и чем дороже им вышла поездка, тем они охотнее верят.

Он еще раз обогнул мумию и зашел спереди. Н-да. Нужно быть неврастеником, чтобы увидеть маму в случайной мумии — или нужно раз в жизни попасть под удар летаргатора. Экие страсти-мордасти. Но, во-первых, и не похож он на него вовсе, на этого пацана, абсолютно ничего общего, не таким я был в шесть лет...

Он запнулся, осознав, что совершенно не помнит, каким был в шесть лет, и помотал головой. Ну, ладно. Зато все пальчики на месте... Гм... один, если всмотреться, какой-то подозрительный, но главное, что он налицо, тут — или-или. Это во-вторых. Правда, говорят, мумия способна к регенерации — вроде бы по миллиметру в полгода, — и такие, как Детка, свято в это верят, равно как и в то, что мумии могут двигаться и общаться между собой. Ну, Детка — это особый клинический случай, дурак он, родился дураком, им же, как видно, и помрет, коли, как рассказывал Пупырь, прячет где-то пяток пальцев от разных мумий и ждет, когда они сростутся в одну кисть. Что взять с кретина, его и ломтики не трогают, убогого.

Пескавин хмыкнул. Зато, в-третьих, — и это уже наверняка, — не может здесь быть наших мумий, они ж были у самого входа в Ущелье, до них давно бы уже добрались. До открытия музея. И нет разницы, кто добрался: небритый дядя с рюкзаком и карабином за плечами, хмурый предшественник нынешних ломтиков, или сотрудник спецслужбы, рывущий по заданию начальства.

Любопытное было времечко, пока не поднялся шум. «Что? Где? На Тверди, в этой дыре?! Да не может быть! А чем там заняты спецслужбы? Надо же понимать! Обеспечить охрану! Препятствовать мародерам!». Это был уже лозунг. Под него входы в Ущелье обнесли проволокой, был создан патруль, и некую группу приезжих зезак, опрометчиво обошедшую контрольный пост, долго гоняли туда-сюда по Ущелью — все не могли попасть. Случай разбух до шумного скандала,

и тогда — под яростный скрип перьев и брызганье слюной в неведомых кабинетах — родился известный нарост по имени Заповедник, и общественное мнение поуспокоилось.

Пескавин нагнулся, набрал горсть сырого снега и протер им лицо. Кожа сразу вспыхнула. Как наждаком, ей-богу! Пескавин вытер руки о куртку. Чего это я стою, подумал он с недоумением. Время идет, Анна, должно быть, еще держит охранника, но вечно это продолжаться не может! Пора!

Он бежал в вязком снегу, не разбирая дороги, проваливаясь и снова выскакивая на наст; один раз он упал и в краткий миг, перед тем как подняться и бежать дальше, почувствовал, как в груди бешено колотится сердце. Его бил озноб. Все размылось, снег лепил в глаза, и Пескавин, хватая ртом сырой воздух, размазывал его по лицу. Иногда навстречу попадались мумии. И тогда он резко сворачивал, но мумии были повсюду, выныривая из метели, от них невозможно было убежать, их было очень много, как на одну из них Пескавин даже налетел, выбив podporку. Отпрыгнув, оттолкнулся от нее руками и побежал не оборачиваясь, не видя и не желая видеть, как мумия будет падать, уткнется в снег, и снег под ней чавкнет.

Бежать! Он хрипло дышал, воздух, врываясь в легкие, резал, как тупой нож. Боишься, Текодонт? Ты же мечтал об этой встрече, всю жизнь мечтал, хоть и не следовало, так куда же ты теперь бежишь? Ты не верил, что это возможно, как не верил в то, что мумии все-таки регенерируют, ты запрещал себе об этом думать. Но ты ведь хотел этого, ящер? Хотел!

«Хотел, — ответил он себе. — Но не теперь».

Можно было остаться. Можно было выдумать целую теорию о том, что способно сделать время с лицом мумии, и никто не помешает всю жизнь прикрываться этой теорией как защитой, убеждать себя и в конце концов убедить. Пескавин глухо замычал на бегу и затряс головой. Он вдруг вспомнил давнее странное ощущение, когда понял, что не может пошевелиться, и свой детский страх, и как сознание медленно гасло, будто тонуло в чем-то черном.

А потом провал — провал на двести лет; какие-то серые тени и пробуждение в Оборонном Исследовательском Центре; люди в мундирах и без, поздравляющие сияющего счастливицу, которому, как говорили вокруг, удалось регенерировать человека из окаменевшего пальца. И еще плач ребенка, который понял, что остался без мамы. Белые потолки, белые стены, очень много стен. Дальше — побег из закрытой клиники, интернат, снова побег, колония для несовершеннолетних на Ржавой Хляби, команда Рифмача, дела и делишки, постижение на практике законов прайда и маска призрачности, которая сначала была маской, а потом стала лицом. В новом мире не падали ракеты и не умирали города, но этот мир был ничуть не лучше прежнего.

Перед глазами плыло. Больше не могу, подумал Пескавин. Кривясь от рези в боку, он остановился и тяжело сел на снег. Все. Побегали — хватит. Теперь думать. Он с трудом отогнал стоящий перед глазами силуэт мумии, из которого вычленился лицо, и белый шрам на боку, под прижатым локтем руки, поддерживающей ребенка. Меня! Маму — резаком.

Сначала он подошел к ней. Так было. Затем наклонился, еще не видя ее лица и еще не веря. Потом он поверил, поверил вдруг и сразу, еще не успев увидеть. Еще можно было все поправить, если отвернуться и уйти, но на это не нашлось сил. Потом он увидел. Он сделал шаг назад — один, другой, третий. Должно быть, их, шагов, было больше, потому что мумия отодвинулась в метель и потускнела, теряя очертания. И тогда он побежал, не видя, куда бежит, потеряв направление и ориентиры, не представляя, в какой части Ущелья находится.

Он поднял голову и вслушался. В снежной пелене кто-то был, и не один, судя по доносившимся обрывкам разговора. Двое. И совсем близко. Пескавин упал и вжался в снег. Это были охранники, две сумтные тени, потерявшиеся в снегопаде. Они двинулись быстро, не вальяжной развалочкой, как обычно, а скорым шагом, совсем не характерным для охранников, и Пескавин подумал, что так идти им, должно быть, натушно и непривычно, и они злы на начальство, которому неймется, но раз они так спешат, значит, действительно что-то случилось. В Ущелье случается всякое.

Они прошли мимо шагах в десяти, не заметив его. Снег чавкал под их сапогами, и Пескавин попытался сквозь чавканье условить хотя бы одну-две фразы из торопливого, с одышкой разговора — и не смог. Совсем низко, а где — не разобрать из-за шума эха — с омерзительным всасывающим звуком прошел патрульный флайдарт, в такую погоду явно на телеуправлении. Пескавин зажал уши. А вот это уже серьезно. Ясней ясного: кто-то опять наследил, кого-то опять ловят, скоты.

— Пора уходить, — сказал он вслух.

А мама? Она так и останется стоять, по колено в снегу, вмерзшая в снег, засыпаемая снегом. Прижимая к груди ребенка и смотря только на него своим остекленевшим взглядом. Даже когда резак с визгом вошел в ее тело, она смотрела только на ребенка, и когда ее, каменную, вертящуюся в петле троса вертолета, тащили сюда, к зоне обозрения, она тоже смотрела только на ребенка. Иначе и быть не должно.

Пескавин встал и снова сел на снег. Под ним таяло и было мокро, он не замечал сырости. Мама. Он называл ее так, пока не поблекли воспоминания детства, ему не приходило в голову даже в мыслях назвать ее иначе, хотя бы матерью, и однажды в колонии он в кровь избил одного здо-

ровенного хлыща, который позволил себе гнусно посмеяться над ней. Пескавин уже тогда умел драться расчетливо и безжалостно.

Здесь драться не с кем. Здесь нужно думать, очень много думать. И доказать, что эти люди почти живы. Доказать кому? Администрации Заповедника? Пескавин сплюнул сквозь стиснутые зубы. Этой мрази ничего доказывать не нужно, сами прекрасно знают, недаром институт отгрохали! Гости-примимы, улыбочиво скалятся и даже почти согласны, что выставка мертвецов — это немного аморально, ну и что с того? А туристский бум? А отели? А лучшее на Тверди обслуживание? А то, что признаков обмена веществ у мумий до сих пор не обнаружили? Эксперты из института опровергнут что угодно, тоже ведь живут не святым духом. Положим, с музеем живых людей, пусть окаменевших — но живых, они оскандалятся, шум будет немалый. Нет, только с первого взгляда кажется, что здесь у них слабина. Только с первого взгляда, ткнуть их носом в регенерированный палец? И что? А вы, простите, специалист? Эксперт? Кристаллы ведь тоже растут. Растут, должно быть, и горы научных материалов в сейфах института, растет охрана. Пескавин выпрямился. Он вдруг понял то, до чего не мог додуматься раньше: охрану начали усиливать тогда, когда выяснилось, что мумии регенерируют...

Шума не будет.

Ладно, подумал Пескавин. Не шум, так вой поднять? Я сам как доказательство? Чушь! Из Оборонного Центра ничего не вытрясешь, а потом выяснится, что «доказательство» числится в розыске на шести планетах.

Так. Что у нас еще? Еще, кажется, есть какие-то чахлые организации, какие-то общества веры в кого-то, воюющие с Заповедником по религиозным мотивам. Совсем не то. Пока эти моралисты чего-то добьются, ломтики успеют растащить половину Заповедника.

Значит, вернуться, понял Пескавин. Только это. Вернуться и взять мамин пальчик. Он представил себе, как это будет, и его передернуло. Да, мама, я пойду к тебе и буду стараться ни о чем не думать, иначе у меня ничего не получится, подойду, как вор, и возьму палец. И это я тоже не забуду никогда. Если повезет, доберусь до Оборонного Центра. На коленях буду ползать. Он перевел дух. И еще... Матери нужен сын, а не Текодонт. Значит, еще один пальчик — у сына, шестилетнего Пескавина, и пусть сын растет, не зная, кто такие текодонты...

— ВСТАТЬ! — командовали за спиной.

«Это кому? Мне?!»

Он ошарашенно вскочил на затекшие ноги, чуть не упав, и оглянулся. Совсем близко, шагах в пяти за его спиной, распорыв ноги и наставив карабин, стоял охранник. Молодой парень с круглыми розовыми щеками. Наверное, недавно в охране и не упустит случая отличиться. Из-под низко надвинутой каски на Пескавина смотрели внимательные глаза. Держаться не стоило.

— Оружие, добычу — ну! Живо!

Пескавин зло усмехнулся: «Добычу!».

Он не спеша опорожнял карманы и все, что в них было, кидал охраннику под ноги. Охраннику это не нравилось, он морщился, странно дергал лицом, но молчал. «Бойтся», — подумал Пескавин, — все они боятся...». Его рука скользнула во внутренний карман. Ему не приходилось убивать человека, но сейчас он был готов убить. Одно движение кистью — и стилет влетит охраннику под край каски раньше, чем тот успеет выстрелить, а потом прыжок в сторону и вперед — и добить, если еще жив...

Но стилета нет, отобрали ломтики.

Может быть, это к лучшему.

— Руки за голову, — командовал охранник. — Марш!

Комната, куда его втолкнули, оказалась мала и темна, половину ее занимал гигантский письменный стол. В первый момент Пескавин решил, что, кроме стола с единственным исчерканным листом посередине, в комнате никого нет, но тут же понял, что ошибся, потому что сзади уже не покрикивали и не пинали, а только старательно сопели над ухом. Он скосил глаза, Охранник ел глазами начальство, и Пескавин присматривал за его взглядом. Есть было что. Оконный проем занимала уша — настоящий бегемот, — не оставляющая сомнений в том, кто здесь начальник охраны Заповедника, а кто наглец, ворвавшийся без стука, рискуя получить дис-

циплинарное взыскание. Под затылком туши, хранящим в ежике жестких волос след фуражки, растекалась по воротнику розовая шея. Бегемот стоял лицом к окну, глубоко засунув руки в карманы, отчего брюки со скромным капитанским кантом съезжились гармошкой, а лоснящийся зад брюк отвис и не соответствовал замыслу природы. За окном не было видно ничего, кроме падающего снега. Охранник над ухом засопел громче и вдруг неожиданно тонко кашлянул. Начальник охраны вздрогнул и, отвернувшись от окна, строго посмотрел на вошедших.

— Снег, — сказал он сурово. — Люблю. Падает и падает. — Он с усилием вытянул руки из карманов, и карманы у него вывернулись наружу. На пол посыпалась начинка: пачка смятых бланков, перехваченная резинкой, дамский перстень-компьютер, скомканный носовой платок, шоколадная конфета, какой-то неопределенный сор, пачка зубочисток, рассеявшихся при падении...

Охранник, выскочив из-за спины Пескавина, кинулся собирать рассыпанное. Бегемот смотрел на него в глубокой задумчивости. Его шея, задушенная воротником, быстро приобрела багровый цвет.

— Вы зачем? — рявкнул он в пространство между Пескавиным и охранником. — Вы кто? Я спрашиваю!

Пескавин открыл рот, не зная, что ответить, и закрыл, не желая отвечать, а охранник уже стоял в струнку, зажав в руках собранные предметы. Выкатывая глаза, он прокричал: — Третью звзоду рядовой Хурц, господин капитан!

— Вы! — закричал начальник охраны, свирепея на глазах. — Вы что, я спрашиваю? А? Руки по швам!

Рядовой Хурц выполнил приказание, отчего собранные было предметы снова попадали на пол.

— Это что? — кричал бегемот. — Это что, я вас спрашиваю, рядовой! Будет когда-нибудь порядок у вас в третьем звезде? Молчать, вы этого знать не можете! Почему, я вас спрашиваю, задержанный, которого я видел из окна, как вы вели, до сих пор не здесь? Карцера захотели, рядовой? Мал-ал-чать! — Пескавин с изумлением смотрел на брызжущего слюной начальника охраны, а тот все багровел, все раздувался, словно готовясь взорваться с максимальным фугасным эффектом, и орал. — Что «господин капитан»? Вы не господин капитан, вы рядовой, а потому — мал-ал-чать! Это что у вас на полу? Бардак у вас на полу. Где задержанный? Немедленно ко мне сюда задержанного! Марш!!!

Охранник очумело козырнул и выскочил за дверь. Какое-то время доносился удаляющийся топот, потом его не стало слышно. Начальник охраны замолчал и стал как-то меньше ростом. Он отошел от окна, впустив в комнату свет снаружи, тщательно заправил карманы на полагающееся им место, поддернул брюки у колен, и опустившись на корточки, принялся собирать вещи. «Помогите», — буркнул он, покосившись на Пескавина; его лицо и шея шли красными пятнами.

В оперетту его, думал Пескавин, собирая зубочистки. Сказал бы кто, что здесь такой процветающий идиотизм, — не поверил бы. Он сдул грязь с зубочисток и положил их на стол. Неужели вырвусь? Или прав блаженной Детка, уверяя, что у человека есть право на чудо?

В голове стучало. Начальник охраны выпрямился и перевел дух. На его лице обозначилась мучительная работа мысли.

— Здравствуйте, — сказал он, вытирая шею. — Э-э... Вы давно здесь?

— Где? — не понял Пескавин.

— Ну-у... на Тверди. Я, например, здесь родился.

— Я тоже.

— Н-да, — сказала туша. — Я... И что?

— И все, — сказал Пескавин.

Возникла томительная неловкость. От непомерного напирания бегемот снова стал багроветь.

— Чему обязан? — спросил он наконец. — Здесь постоянно находится запрещается Тем более сейчас сюда приводят задержанного, так что никак э-э... не могу быть вам полезен. При всем уважении к вам — не могу. Да. Приходите в приемный день, завтра, договорились?

— Хорошо, — сказал Пескавин. Он был как на крыльях.

— Завтра зайду обязательно.

Он взялся за ручку двери. Случившееся ошеломило его, не укладывалось в сознании. Сейчас уйти — спокойно и с достоинством. Взять пальчики, добраться до Земли, послать

Рифмача подальше. Сказать, что я от ломтиков, тогда не убьет. Работать, отдать эти деньги... Да! Ты жди меня, мама. И когда-нибудь странный человек, в котором ты не узнаешь сына, расскажет тебе эту историю, и ты не будешь смеяться, потому что ничего не поймешь, а странный человек уйдет тихо, как и пришел...

ДВЕРЬ неожиданно распахнулась сама. Пескавин сделал шаг назад. Перед ним, наставив карабин ему в живот, с ухмылкой стоял охранник.

— Совсем забыл, — довершая удар, домесся сзади голос туши. — По-моему, мы с вами еще не закончили, как вы полагаете?

Игра, с тоской подумал Пескавин. Он готов был взвыть. Опять игра, опять меня надули. Солдафон играет солдафона. Класика: нет ничего слаще, чем отнять подаренную надежду. Отработанная забава, не я первый, не я последний, сколько их было, попавшихся на явный крючок? Теперь, по идее, клиент должен раслупить соплю и расколотся в два приема. Старо, но неглупо. Кстати, первичный допрос зачтется этой туше в плюс.

— Лицом сюда! — рявкнул начальник охраны. — Фамилия, ну!

Пескавин назвал. И хватит с них. Фамилия была дежурная, под ней он зарегистрировался на въездном контроле. Пусть повозятся.

За спиной прошуршали шаги. Пескавин обернулся и увидел Анну. Она уже успела избавиться от своей рыжей куртки, и, ладная, стройная, вошла в комнату легкой походкой беззаботной девчонки. Но теперь на ее плечах висел умышленно не застегнутый на груди форменный китель сотрудника спецслужбы, и рыжие волосы — «не сомневайся» — спадали на сержантские погоны. Она приветливо помахала рукой, и Пескавин отвернулся. Он чувствовал себя рыбой, которую глушат. «На Тверди не просто бьют, здесь добивают...». А может, девочка тоже претендует на роль в спектакле?

— Познакомьтесь, — предложил Бегемот, с удовольствием разглядывая Анну. — Это сержант Ланге, прикомандированный сотрудник Управления Расследований, а это... — он с трудом оторвал замаслившиеся глазки от прикомандированного сотрудника и с юмором посмотрел на Пескавина, — может быть, все-таки потрудитесь назвать свое подлинное имя?

Пескавин молчал. Туша пожала плечами.

— Что ж, дело ваше. На следствии за вас возьмутся по-другому.

— Что у него нашли? — с интересом спросила Анна.

— Вот, — начальник охраны ткнул толстым пальцем в другой палец, давешний раскрошившийся мизинец, лежащий на мягкой бумажке. Капельки выступившей в местах сколов жидкости уже подернулись налетом.

— Только-то? — удивилась Анна. — Что же это ты, Текодонт, а? Мы же договаривались — пять штук, не меньше. Забыл?

Конвойный у двери заржал. Три цикла каторги, подумал Пескавин. Или пять лет одиночки, и то если не расколют остальное. Потом я вернусь, мама. Еще можно вывернуться: в сущности, кроме этих обломков, у них ничего нет. Да и их стоило выбросить, пожалел, увидел в них кусочки чьего-то живого тела. Сам виноват: в Ущелье, как и везде, удача не совмещается с нравственными категориями. Так называемыми. Он молчал. Заповедник вернул свой мизинец. В это самое время где-нибудь в безлюдном месте Ущелья кто-нибудь, хотя бы мамаша того ковыряющегося в носу недоросля, трясась и заикаясь, будет упрашивать охранника продать сувенир. Тот сперва припугнет, заставляя поднять цену, а потом начнет расшвыривать снег в том месте, где вчера вечером сумел припрятать мумию. Так было и так будет.

— Сегодня отдыхайте, сержант, — добродушно разрешила туша, и заскучавшие глазки вновь вернулись к ошупыванию достоинств Анны. — Э-э... Гм. Я доложу о ваших успехах. Завтра за вами, как обычно, экскурсия на одиннадцать тридцать. Легенда старая. Кстати, впредь запрещаю вам выпускать объект из поля зрения.

— Слушаюсь, господин капитан! — как-то весело и совсем по-детски выкрикнула Анна.

К БОЛЬШОМУ начальству арестованного вводят, к малому вталкивают, а в пустую дежурку обычно вкочливают, как гвоздь. В дверях Пескавин дернулся вбок и сумел увернуться от пинка. Добавлять Хурц не стал.

Не успел, однако, Пескавин усесться на скамью у зарешеченного окна, как дверь с писком открылась, и в камеру вошла Анна.

С порога она с прищуром посмотрела на Пескавина.

— Интересная ты птица, оказывается. Тебя, представь, до сих пор не установили, я глазам своим не поверила, когда увидела. Нет такого, и все. Нигде. Получается, что и не рождался ты вовсе и не жил — фантом какой-то. Сейчас ползают по архивам межзвездных станций — и ведь тоже, небось, не найдут, а?

— Уйди, — попросил Пескавин.

Анна присела на край стола, небрежно закинув ногу на ногу. Она смотрела на него, как художник смотрит на оконченное полотно, гордый удачей, и от ее взгляда хотелось чесаться.

— Нервный ты, — сказала она с удовольствием. — Я же тебя привлекла, сам сказал. А теперь — «уйди»... Несolidно как-то. Да и несерьезно в твоём положении. Кстати, ты, я надеюсь, не собираешься надеть глупостей? Например, броситься на меня и задушить? Или использовать как заложницу?

— Нет, — сказал он. — Уйди.

Уходить она не собиралась. Наоборот, по тому, как она расположилась на столе, можно предположить, что разговор только начинается и очень ее волнует. Пескавин по-сухому слотнул. Его мутило. Мало, все им мало... Извращение же, и не новое. Были, говорят, когда-то в древности на Земле этакие дамы, прилежные посетительницы колизеев, — по ночам к ним водили гладиаторов, а утром дама рукоплескала, глядя, как более удачливый боец насаживает ее ночного ловюшка на трезубец. А может, их тогда и не было, дам этих, может, они появились позднее, и одна из них — вот сидит. Смысл жизни — игра, смысл игры — наслаждение, и конечно же, интеллектуальное — это острее, простодушные римлянки до этого не додумались. Нет, девочка, сержант ты мой, матрона, разговора у нас с тобой не получится. И если еще не поняла, я помогу тебе понять. Он с чувством выругался.

— Плоско, — поморщилась Анна. — И неумно. Если хочешь меня прогнать, придумай что-нибудь другое. Между прочим, в Ущелье ты рефлексировал гораздо интереснее, я никак не могла тебя предугадать. Это я-то, психолог-практик, и не смогла, представь себе! Что-то я в тебе не до конца поняла; сложный ты, Текодонт, с твоей работой это опасно, имей в виду на будущее. Только сейчас ты такой же, как все. Скучный. Побитый. А в сущности, что изменилось? Только фаза работы — и больше ничего. Понимаешь — фаза, — ее голос упал до доверительного шепота. — В начальной фазе — я тебе нравилась, ты же меня встану глазами обглодал, попробуй только отрицать! И я не стану тебе врать, что мне было неприятно. Но это моя работа. Вот так, ящер.

— И нравится? — не удержался Пескавин.

— Хорошая работа, интересная, — сказала Анна. — И перспективная. Не век же торчать в дыре, которая даже не курорт. На днях мне присвоят лейтенанта и отзовут, так что ты у меня, наверное, последний. Честное слово, жаль, что ты не появился здесь неделей позже.

«Мне тоже жаль, — подумал Пескавин. — Но неделей позже все могло бы сложиться иначе, и я бы не увидел то, что увидел. При удаче реализовал бы добычу и жил бы расчетом склотить свою группу... Пульря можно взять, Хабиба уговорить рискнуть и объявить вендетту ломтикам. И прозвали бы они меня не Текодонт, а каким-нибудь Тирано-завром. Но сам бы я в Ущелье больше не пошел. Никогда».

— Но как ты бегал! — расхохоталась она, припоминая. — Как ты петлял! Как заяц. Чуть локатор не свихнулся — и я вместе с ним. Ты же от целого звзда уходил, дважды пробежал сквозь цепь, а сам, небось, и не заметил. Только наведешь охрану — а ты уже в другом месте и опять куда-то вскачь. Спасибо, дурак Хурц тебя зацепил, а то дождался бы крайних мер. Тебе не интересно, что это за крайние меры?

— Нет, — ответил Пескавин и содрогнулся. — Летаргатор?!

Анна снисходительно усмехнулась:

— Летаргаторы, как известно, запрещены. Правда, в осо-

бых случаях можно сделать исключение... Но ты не особый случай, с тобой проще. Тебя бы просто убили.

«Тебя бы просто убили...» Смысл этих слов не сразу дошел до него, а когда дошел, спине стало жарко. Значит, она знает и это. Летаргатор убивает намерняка, и часто человек даже не понимает, что убит; он просто засыпает. Но был один случай, когда летаргатор не убил...

Анна кивнула:

— Ты правильно понял, ящер. Мумии живы, ты и сам это прекрасно знаешь. Только у нас говорят не «живы», а «сохранены». Есть такой термин. Я знаю, ты знаешь, все знают, даже гиды, а не знают те, кому этого знать не нужно. Экскурсанты должны получить то, за чем приехали. Или нет?

— Должны, — безразличным голосом подтвердил Пескавин. — Обязательно.

Лязгнула дверь, пропуская охранника. Пескавин поднялся.

— Кажется, мне пора. Прощай. Благодарю за цирк... Не ожидал.

— Для тебя старалась, — отозвалась Анна.

В бок уперся металл. Пескавин повернулся, как ходячий манекен, и шагнул к двери.

— Эй, ящер! — донеслось сзади, и он замер. — Совсем

забыла спросить. Только без вранья: ты ведь с самого начала не собираешься искать меня у касс, верно?

Вот что ее интересует, без удивления подумал Пескавин. Зачем? Ждет ответа типа: «Ну, разумеется!». И поэтому я скажу тебе правду, девочка, какой мне хотелось бы видеть эту правду, и пусть ты первая посмеешься надо мной. Тебе пока еще весело играть в эту игру, и ты думаешь, что так будет всегда. Но это не так. Когда тебе будет плохо, когда твой выдуманый мир сыскной романтики начнет разваливаться, ты, может быть, вспомнишь то, что я тебе скажу, и тогда... Не знаю, что тогда. Достаточно того, что ты вспомнишь.

— Нет, — сказал он твердо. — Я бы пришел. Я бы постался тебя найти.

— И дурачок же ты, — послышался вслед насмешливый голос Анны. — Но все равно, спасибо за удовольствие.

— Тебе спасибо, — серьезно сказал Пескавин.

Охранник что-то буркнул и вытолкнул его в дверь.

УЩЕЛЬЕ текло навстречу, позади на растоптанном экскурсантами снегу остались мумии, бесконечно одинокие наедине со своей полусмертью. Экскурсии кончились, последняя группа сейчас, должно быть, трясется к отелю в загнанной многоножке. Высоко над Ущельем ветер треплет инверсионный след натужно взлетающего грузового корабля с одним незанятым местом на борту. Пусть. Жалеть не о чем. Пескавин улыбнулся. Много лет я ждал этого дня, мама, и боялся его, но теперь мне совсем не страшно. Я еще приду к тебе и в следующий раз буду удачливей, каждый шаг продумаю в деталях, времени на это достаточно. И унесу с собой два пальца. Только два. Я эгоист, а не пророк, теперь, когда я в этом признался, мне легче. А остальное сделает он, второй Пескавин, когда подрастет. И если он захочет что-то сделать, нас будет двое. Впрочем, и первый Пескавин кое-что может, например, продержаться на следствии, неожиданно расколоться на суде — и к черту адвокатов! Самому! Говорить, кричать, если нужно, пока не заткнут рот!

Продержаться на следствии, гы! Дитя! Да что я, под следствием не был, что ли? На Тверди, правда, не был, но тут, говорят, еще хуже. И кому здесь нужен скандальный суд, да еще с последствиями, способными подорвать важную статью в экономике планеты? Сгноят и так, они умеют, и тут трудно что-либо придумать. Но должно же хоть однажды, хоть раз в жизни по-настоящему повезти!

...Там, где утром шли поодиночке, у первой вешки, предупреждающей о лавиноопасном участке, его сбили с ног, выкрутили назад руки, навалились, прижимая к раскисшему снегу.

— Вот так, — отдуваясь, сказал один из охранников. — Незачем рисковать, пусть пока лежит, специалист по лавинам.

Над головой засмеялись. Потом до уха донеслось удаляющееся чавканье снежной каши: один конвоир пошел вперед.

Подкладка куртки промокла от набившегося снега. Знать, с отчаянием понял Пескавин. Все знают, даже про лавину, вчерашнюю мою отсрочку. От ломтиков, больше неоткуда. Значит, у них связь, значит, это система со своими каналами обмена и законами делажа. И против нее одиночка не имеет шансов. Сержанта Ланге, если она еще не с ними и если не спасует, можно только пожалеть. Впрочем, ей интресно ловить мародеров, она для них человек полезный, пока не начала думать.

— Козлы! — выдохнул он и засмеялся, давсь снегом, когда в затылке вспыхнула пульсирующая боль от тычка стволом карабина.

— Отпусти, дубина, задохнись!

Его подняли за волосы, он выплюнул комок снега и закашлялся. Перед глазамиплыли круги. Кажется, тот охранник уже успел пройти участок.

— Теперь ты, — оставшийся с ним белобрысый охранник ткнул Пескавина в спину и взял карабин наизготовку. — То-пай, сука.

Пескавин покачнулся и потер рукой затылок. Шишка будет. Пройдя немного, он обернулся, запоминая как следует белобрысого. Тот ухмыльнулся:

— То-пай, то-пай.

Далеко впереди, существенно дальше второй торчащей

Валерий БРЮСОВ

Старый Викинг

вешки, маячил ушедший конвоир. «Опять в снегу валяться, — подумал Пескавин. — Наставит карабин — и придется лежать, пока не подойдет тот, второй. Боится, что спущу лавину и сбегу. Не соображают, что бежать мне уже некуда, да и незачем».

Он поднял голову. Снегопад нарастил снежную шапку, теперь она нависла гигантским карнизом, еще удерживаясь в хрупком равновесии, но уже готовая оборваться в любую минуту. Ему стало жутко.

Он вдруг все понял. Его вычислили. Пусть местные архивы и не слыхали о таком — в галактическом банке данных найдутся сведения о тридцатилетнем уникаме, родившемся двести лет назад. Незачем быть гением, хватит и бегемотих мозгов, чтобы насторожиться, потом испугаться до пота — и от страха принять единственно возможное решение. Речь на суде? Полноте, господа, суд над покойным — это же нонсенс!

Никого не удивишь несчастным случаем в горах. Это бывает. И конвоиры... подняли карабины и целятся в воздух. «Неужели так просто?».

Не хотелось верить. Глупо было бы думать, что его в конце концов не убьют, он знал это и готовился. Но оказалось, что он был готов только к смерти в борьбе.

— Э-э-э! — отчаянно и жалко закричал Пескавин. — Не надо! Э-э-э...

Из обоих стволов вылетело беззвучное пламя. Где то сверху грохнуло, донеслась воздушная волна. Теперь там ворочалось что-то большое, неохотно просыпалось, разбуженное вырванными из тела комьями снега. Пескавин повернулся и побежал назад, втягивая голову в плечи.

— Не стреляйте! Я буду молчать! Я никогда...

Вновь блеснуло пламя... Плечо белобрысого дернулось, погасив отдачу. Лавина пошла.

Сначала донесся гул, как от приближающейся грозы, потом над головой потемнело, и тогда раздался ухающий грохот, нарастающий с каждым мгновением, парализующий волю и способность к сопротивлению. Пескавин бежал, с хрипом втягивая в себя воздух. Он понимал, что не успеет, и видел, что оба охранника тоже это понимают и лишь из перестраховки держат его на прицеле.

Боковой язык лавины отрезал его от вешки. Пескавин прыгнул влево, прижимаясь к скале. Лавина накрыла его. Пескавин почувствовал, что падает в вязкую бурлящую массу. Он закричал от дикой боли в выворачиваемых суставах, но снег тотчас забил рот, не давая вылететь крику. Донесся близкий удар, и Пескавин, крутясь в снежном водовороте, понял, что лавина достигла дна. Потом внутри него что-то с хрустом сломалось, и сразу наступила тишина.

Он не ощущал своего тела. Сознание мучительно уплывало, как тогда, на руках у склонившейся над ним мамы. Дышать было нечем. Прости, мама, я не сумел. Я ведь только Текодонт, не более. Ты жди, мама, все будет хорошо. Пока живет Заповедник, будут жить и текодонты, иначе не бывает. От них нечего ждать, они бесполезны и отвратительны, рано или поздно их все-таки выбьют, но они протопчут след. Большого они не могут. И тогда до Заповедника доберутся люди. Так будет лучше, успею подумать он, задыхаясь под толщей снега. Да, так будет лучше.

ЖЕНЩИНА осмотрелась по сторонам и выдернула ногу из снега. К ней пришла странная мысль, будто она разучилась ходить, и женщина сердито отогнала эту мысль. Ничего не разучилась, просто устала, но это пройдет, вот только бы одолеть перевал. Он выпрямилась и сделала первый шаг. Самым неприятным было то, что болела спина, болела так, будто там был глубокий порез, но женщина не решалась его осмотреть: на руках спал ребенок. Ну, спи, спи, малыш. А что же остальные? Будто тоже только проснулись: должно быть, оцепенели от страха перед налетевшей боевой платформой? Успокойтесь, эту платформу сбили, очнитесь, пойдём! А откуда снег? Не помню я. Ну ладно, снег так снег, что с того, что снег? Через перевал бы перейти, пока снова не налетели. Проснись, малыш, я устала тебя нести. Давай-ка сам. Ну? Вот так, хорошо, и терпи, если хочешь вырасти сильным. Хочешь? Ну, конечно, мне тоже этого хочется. Не запрочишься больше руки? Видишь, все идут, и нам не надо отставать. Вот так, молодец, обогнал маму. Да ты у меня совсем большой, я вижу!

Он стал на утесе; в лицо ему ветер суровый
Бросал, насмехаясь, колючими брызгами пены.
И вал возносился и рушился, белоголовый,
И море стучало у ног о гранитные стены.

Под ветром уклончивым парус скользил на просторе,
К Винландии внук его правил свой бег непреклонный.
И с каждым мгновеньем меж ними все ширилось море,
А голос морской разносился, как вопль похоронный.

Там, там за простором воды неисчерпно-обильной,
Где Скрелингов остров, яновь грянут губящие битвы,
Ему же коснеть безопасно под кровлей могильной
Да слушать, как женщины робко лепечут молитвы.

О, горе, кто видел, как дети детей уплывают
В страну, недоступную больше мечу и победам!
Кого и напевы военных рогов не сзывают,
Кто должен мириться со славой, уступленной дедам.

Хочу навсегда быть желанным и сильным для боя,
Чтоб не были тяжки гранитные косые стены,
Когда уплывает корабль среди шума и воя
И ветер в лицо нам швыряется брызгами пены.

1900 г.

Брюсов В. Я. Сочинения. в 2 т. М., «Художественная литература», 1987. Т. 1. Стихотворения и поэмы.

ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ БРЮСОВ (1873—1924) большинству читателей известен исключительно как поэт. Вместе с тем он был знаменитым литературным критиком, его перу принадлежат многочисленные переводы чуть ли не из всех мировых литератур, начиная с глубокой древности и заканчивая XX веком. Но и это еще не все.

В. Брюсов по праву считается одним из основоположников (наряду с Н. Морозовым и К. Циолковским) отечественной фантастики. Интерес к ней проходит через всю жизнь писателя. Наиболее крупное фантастическое произведение В. Брюсова — повесть «Гора Звезды» (1895—1899), сюжетно близкая с предвосхищенной ею почти на четверть века «Аэлитой» А. Н. Толстого.

Интересны и другие фантастические произведения писателя: рассказы «Республика Южного Креста» и «Восстание машин», повесть «Первая межпланетная экспедиция». В крупных вещах В. Брюсова, исторических романах «Огненный ангел», «Алтарь Победы» и оставшемся неоконченным «Юпитере Поверженном», фантастические и мистические мотивы тесно переплетаются с собственно историческими, по экзотичности представленного в романах материала, по напряженности конфликтов, по остроте и динамизму действия романы В. Брюсова имеют немного аналогов в истории отечественной литературы. Проза В. Брюсова, несомненно, должна заинтересовать любителей и ценителей фантастики.

МАГАЗИН НАДЕЖД

ЮРИЙ КИРИКОВ

Магазин был на углу. Там еще мастерская рядом — «Распиловка роялей»; ее наш столяр открыл, когда вышел на пенсию — очень не любил старик музыку. Сколько раз я проходил мимо этой мастерской, слушая знакомое потрескивание, а вот вывеску рядом не замечал. И вдруг однажды меня что-то толкнуло в бок — взглянул вверх и прочел «Магазин надежд». Я не мог удержаться и вошел.

Респектабельного вида мужчина мрачно глядел на меня из-за красивого прилавка. Кроме меня, в магазине никого не было. Витрины доходили до самого потолка. На полках стояло множество коробочек, больших и малых.

Я смотрел на мужчину, замороженный его «магнетическим» взглядом.

— Вы надежды продаете?

— Да, — сухо ответил мужчина.

— А чьи?

— Свои, конечно.

— Значит для вас эти надежды не оправдались? — робко заметил я.

— Не оправдались, — так же невозмутимо отозвался мужчина.

— И вы думаете, что их теперь кто-нибудь купит?

— Купят. Люди все покупают.

— Странная уверенность...

Я промолчал, чтобы рассмотреть коробочки в ближайшей витрине.

— Вы, наверное, хотите разбогатеть?

— Да.

— И эту надежду вы не продаете?

— Продаю. Я продаю все свои надежды.

— Даже надежду на лучшее?

— В первую очередь.

— И сколько же она стоит?

— Один рубль двадцать копеек.

— Странная цена...

— Двадцать копеек за коробочку.

— Вы, видимо, разочарованный человек? Может, скептик?

— Ни то, ни то.

— А что же?

— Просто желаю разбогатеть.

— И не скрываете этого? Вы думаете, никто не в силах понять ваших истинных намерений?

— Никто. Я в этом уверен. И вы не поняли.

— А вы можете продать и эту надежду?

— Да.

— Вы уверенный во всем человек, потому у вас и нет надежд.

— Совершенно верно.

— Надеждами должны торговать уверенные люди.

— Совершенно верно.

— А покупать их — только неуверенные.

Мужчина промолчал. Я не понял его молчания. Я снова посмотрел в сурово-неприветливые глаза и почувствовал, что и этот уверенный, холодный человек на что-то надеется. На что?

— А сколько стоит надежда стать королем?

— Двадцать копеек — за коробочку.

— Как? Ничего? Такая надежда?

— Будь вы одним из наследников трона, надежда стоила бы миллион.

Логичность ответа меня озадачила.

— Вы правы, ценность надежды определяется ее нужностью.

— Это знает ребенок.

— А за надежду вовремя можно заплатить. Много заплатить.

— Я бы не заплатил.

— Почему?

— Сами понимаете. Надежда — только надежда. Ее надо воплотить.

— Но ведь без надежды трудно что-либо сделать.

Мужчина снова промолчал и, кажется, в первый раз в его глазах мелькнуло любопытство.

— А почему вы так откровенны со мной, покупателем? — спросил я. — Вы рискуете ничего не продать, если каждому будете объяснять, что все надежды — пшик.

— С надеждами этого не произойдет. Надежды — товар особый, — спокойно возразил мужчина. — В них всегда будут нуждаться.

Я снова был вынужден согласиться с этим уверенным человеком и, комкая в кармане свой единственный рубль, осторожно поглядел на коробочку в ближней витрине.

— Берите, она ваша, — услышал я суровый голос.

— Что?

— Коробочка. Я заметил, вы давно на нее поглядываете.

— Ведь это надежда на лучшее?

— Да.

— Но она стоит рубль двадцать, а у меня...

Я вытащил свой измятый рубль.

— Потом занесете. Либо двугривенный, либо коробочку.

— А ведь вы надеялись, что я все-таки что-то у вас куплю. Несмотря на ваше откровение. Ведь верно? — сказал я, глядя в глаза мужчине, когда он подавал мне товар.

— Ха! Я вас понял! — вдруг рявкнул мужчина, ткнув пальцем в мою грудь. — Вы хотите меня разгадать? Вот оно что! Хотели заглянуть мне в душу! Загадка!.. Незнаваемости!..

Я не знал, что ответить.

— Ха! Такой надежды у меня еще не было! Я ее покупаю!

— Зачем?.. — растерянно пробормотал я.

— И хорошо плачу. Я на ней заработаю много больше, вот увидите!

— Я не продам...

— Ерунда. У вас ее уже нет! Вы утратили эту надежду, как только я вас раскусил. Черт возьми, у меня ушло на это целых восемь минут. Вы редкий экземпляр, юноша! Вы думали — магазин надежд — это где продают? Нет, это и где покупают!

Я еще не успел понять, что произошло, а передо мной на прилавке выросла стопка купюр.

Выходя из магазина, я заметил довольный и любопытновзглядливый взгляд мужчины. Я даже не хотел кивнуть ему... Не хотел, но — голова сама собой повернулась в сторону прилавка и отвесила едва заметный поклон. Мужчина улыбался.

Я брел по улице. Куда? Конечно, в мое любимое «Ночное мороженое». Я взял сто граммов клубничного и стал раздумывать над случившимся. Думай не думай, а мужчина прав — оставил надежду — значит, продал. Хорошо еще, нашелся человек, который платит за это деньги. Зря я обиделся. Ведь, черт возьми, славный парень этот торговал надеждами.

И я взял еще сто граммов клубничного — за его здоровье.

